

Б. С. БРАТУСЬ

АНОМАЛИИ ЛИЧНОСТИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ПОДХОД

Издание второе,
переработанное и дополненное

Борис Братусь

**Аномалии личности.
Психологический подход**

«Никея»

1988, 2019

УДК 159.9
ББК 88.3

Братусь Б. С.

Аномалии личности. Психологический подход / Б. С. Братусь —
«Никея», 1988, 2019

ISBN 978-5-91761-944-6

Новое – расширенное и переработанное – издание одной из наиболее значимых в отечественной науке книг по психологии аномального и нормального развития личности. Представлена практико-ориентированная концепция психического и личностного здоровья, показаны внутренние механизмы разнообразных отклонений (акцентуации характера, неврозы, зависимости, последствия травм, алкоголизм и др.). В новом издании существенно дополнена общепсихологическая уровневая модель ценностно-смысловой сферы личности, определены взаимоотношения психологии, психиатрии, философии, теологии в понимании личности и ее изменений, обоснованы конкретные пути профилактики, коррекции и психотерапии личностных аномалий. Материалы, собранные в книге, используются в университетском образовании психологов, в учебных пособиях и хрестоматиях по психологии личности и характера, клинической психологии, психологии развития, переведены на иностранные языки. Книга предназначена психологам, педагогам, психиатрам, философам, теологам, а также всем интересующимся проблемами психологии личности человека.

УДК 159.9
ББК 88.3

ISBN 978-5-91761-944-6

© Братусь Б. С., 1988, 2019

© Никея, 1988, 2019

Содержание

Предисловие к первому отечественному изданию	7
Предисловие к американскому изданию	9
Вступительная статья В. В. Давыдова к американскому изданию	10
Предисловие ко второму изданию	17
Глава I	22
1. Дихотомия «норма – патология»	22
2. Философские основания	34
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Борис Сергеевич Братусь
Аномалии личности.
Психологический подход

© ООО ТД «Никея», 2019

© Братусь Б.С., 1988, 2019

Предисловие к первому отечественному изданию

(*Аномалии личности. М.: Мысль, 1988*)

«Предисловие можно назвать громоотводом», – считал немецкий ученый Г. К. Лихтенберг. И действительно, в предисловии автор обычно старается заранее оправдаться, объяснить, почему он выбрал именно эту тему и данный угол ее рассмотрения, эти, а не другие методы исследования и способы изложения. Автор хорошо знает недостатки и слабости своей работы и потому стремится в предисловии первым назвать хотя бы некоторые (чаще, правда, не главные) из них, обезоружив тем самым своих будущих критиков и недоброжелателей. Этому же служит подчеркивание в предисловиях того, что исследование носит «предварительный характер», что «необходимы дальнейшие, более углубленные разработки» и т. п.

Но на предисловие помимо оправдательных, «громоотводящих» функций автор – осознанно или неосознанно – возлагает и надежду куда более важную и значимую для него, – надежду привлечь «своего» читателя, подать знак, что книга написана именно для него. Таким «своим», «заветным» читателем не обязательно может быть узкий специалист в данной области, которому в силу профессиональной необходимости надобно следить за выходящей литературой (данную категорию можно назвать читателями-потребителями, пользователями). Не обязательно это будет читатель, которому книга понравится и который найдет ее в ряде мест «полезной», «любопытной» или «забавной» (таких читателей можно условно отнести к «зрелищному» типу – им обычно нужна новая картинка, заставка на интересную тему, которая овладевает их вниманием лишь на краткое время, до появления следующей экспозиции). «Своим» является тот, порой еще не встреченный, но тем не менее вполне реальный для автора читатель – сегодняшний или будущий, – который незримо присутствовал при написании книги, спорил с автором, подбадривал его, требовал от него искренности и правды, все новых исправлений и переделок. Именно такого читателя-собеседника представлял себе автор. Для него он, в конечном счете, пишет книгу (а не для безликой «научной общественности»), его он боится оттолкнуть неряшливостью письма и поспешностью выводов, его суда он ждет. Но помимо читателей-собеседников, читателей-потребителей есть и те, кому предлагаемый подход, способ изложения и, в конечном счете, сама личность автора чужды, кому потребны иные книги и иные авторские позиции. Задача предисловия – предостеречь этих читателей от пустой для них траты сил и внимания.

О чем же данная книга, которую не воображаемый, а реальный читатель («свой» или «чужой» – пока неизвестно) держит в руках? Эта книга об общих проблемах психологии личности, о том, что такое психическое и личностное здоровье, о том, как возможно отклонение от нормы, появление аномалий личности, о том, наконец, какие перспективы, пути предупреждения и коррекции этих аномалий может предложить психологическая наука. Разумеется (и здесь, как легко видит читатель, мы используем «громоотводную» функцию предисловия), автор отнюдь не претендует на окончательное решение каждого из названных вопросов. Эти вопросы вообще не имеют окончательных решений, ибо относятся скорее к категории «вечных». Как все вечное, они актуальны в любое время, но все же бывают периоды, когда они становятся особенно остры. В психологической науке это связано с требованиями практического использования ее данных, с возрастанием роли «человеческого фактора». Отсюда возникает потребность нового пересмотра проблемы нормы и патологии, аномалий и здоровья личности. Попытка обосновать некоторые подходы к такому пересмотру и предпринята на последующих страницах. Проблема аномалий развития личности рассмотрена на трех основных уровнях: философско-мировоззренческом, общепсихологическом и конкретно-прикладном. Автор стремился показать живую связь философии, этики, психологии, практики и, следовательно,

необходимость взаимопонимания, сближения, взаимодействия представителей этих областей в решении насущных задач современного человекознания.

...Предисловия в научных монографиях обычно заканчиваются перечнем лиц, которым автор во многом обязан, которым хотел бы выразить свою благодарность. И это справедливая традиция. Развернутое научное исследование лишь с достаточной долей условности можно приписать авторству исключительно одного человека. И коллега, дарящий тебя вдумчивой беседой, и любознательный студент, задающий «каверзный» вопрос, и испытуемый в психологическом эксперименте, и твой редактор, терпеливо исправляющий погрешности стиля, – все они участвуют, соавторствуют в работе, выполняют в ней свою незаменимую роль. Но есть люди, встреча и общение с которыми особенно памятливы и важны для научной судьбы автора и назвать которых в первую очередь – его прямой долг. Такими людьми для автора данной книги были профессора П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, Б. В. Зейгарник, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия. Уже один перечень этих славных для отечественной и мировой психологии имен говорит о том, как повезло автору.

Хотелось бы также особо поблагодарить профессоров В. В. Давыдова и В. А. Лекторского, чьи суждения и оценки рукописи книги способствовали утверждению ее концепции; всех коллег, сотрудников, студентов, аспирантов и соискателей, участвовавших в совместных исследованиях, дискуссиях и спорах; Т. Н. Братусь за неоценимую помощь и поддержку в работе.

Борис Братусь, Москва, март 1988

Предисловие к американскому изданию

(Anomalies of Personality. From the Deviant to the Norm. Paul M. Deutsch Press. Orlando, Florida, 1990)

«Наука – это драма идей», – говорил Эйнштейн. И драма людей, – добавим мы. Нельзя понять науку, ее роль, место, перспективы, не поняв судеб ученых, их реальной жизни в реальном обществе. И отречение Галилея, и переезд Фромма из Германии в США, и смерть великого русского биолога Николая Вавилова в сталинской тюрьме – в равной степени эпизоды жизни ученых и эпизоды науки. Только на скрещении идеи и жизни рождается факт науки, и одно просто неотрывно от другого. И в этом плане советская психология – едва ли не полностью закрытая для западных читателей тема. Время от времени всплывающие имена, отдельные переводы тех или иных книг и статей не создадут картину, как не создадут ее несколько точек, поставленных на полотне, – нужны линии, краски, отношения, пристрастия, нужно привнесение жизни, которой жили все эти годы советские ученые-психологи и которая была просто несопоставима с жизнью ученых Запада. И подобно тому, как, скажем, учение Фрейда неотделимо от знания его биографии и представляется как нечто слитное, как целостный образ, советская психология как совокупность исследований и имен должна слиться с ее реальной историей и сформировать некий живой образ. В мировую культуру входят именно такие живые образы, а не отдельно выдернутые идеи, и человек на могиле Фрейда думает о пути подвижничества и научном бесстрашии, а не о законах сексуальной сублимации.

Но пока не написана такая живая история советской психологии, честная книга о драме ее идей и людей. И оттого сомнения и волнения автора: слово и позиция, понятные и значимые здесь, в Союзе, включенные в здешний мир, будут ли приняты и поняты в далекой стране, окажутся ли созвучными, соотнесутся ли с идеями и людьми, живущими столь отличной от нашей жизнью. В этом плане автор смотрит на перевод как на явление почти магического ряда, ведь в случае удачи, не прилагая к тому дополнительных усилий, он входит в круг нового общения, приобретает новых собеседников и оппонентов. И потому автор, полностью полагаясь на искусство и мастерство уважаемых переводчиков данной книги, будет с надеждой и верой ждать встречи с новым для него читателем.

Борис Братусь, Москва, июнь 1989

Вступительная статья В. В. Давыдова к американскому изданию

(Anomalies of Personality. From the Deviant to the Norm. Paul M. Deutsch Press. Orlando, Florida, 1990)

С удовольствием представляю читателю эту книгу. Ее автор – профессор факультета психологии Московского университета Борис Братусь. У нас в стране его новая книга быстро приобрела широкое признание среди психологов, психиатров, философов и стала важным событием нашей научно-общественной жизни.

Эта работа является необычной в ряде отношений. Автор, с одной стороны, обсуждает важные философские («вечные») и теоретико-психологические проблемы, а с другой – на основе своих теоретических исследований анализирует самые актуальные практические проблемы, например относящиеся к алкоголизму как болезни и психологическим аспектам его профилактики. В книге дается тонкий и скрупулезный анализ многих сложных философских вопросов и фундаментальных психологических проблем. В то же время это популярная книга в лучшем смысле слова. Она живая и увлекательная, и я надеюсь, что она вызовет интерес не только специалистов, но самых широких кругов интеллигенции.

Хотелось бы специально подчеркнуть высокий уровень анализа философских и психологических проблем, связанных с дихотомией «норма – патология», проблемами человека и общей теории личности. Вопросы эти весьма непростые, так как критерии нормы и нормального, продуктивного развития личности пока недостаточно разработаны как у нас, так и на Западе. Что касается нашей страны, то эти вопросы обрели за последнее время острый общественно-политический и поистине жизненный смысл. Известно, что в недавнем прошлом в Советском Союзе нормой считалось не что иное, как безоговорочное согласие с правилами, которые устанавливали власти, а те, кто имел свои явно отличные от большинства суждения и образ жизни, могли считаться ненормальными со всеми вытекающими отсюда последствиями вплоть до помещения в специальные психиатрические учреждения. Можно поэтому радоваться мужеству исследователя, который как раз в эти годы и разрабатывал свою концепцию нормы, резко противостоящую усреднению человека, сведению его к роли винтика, легко заменимой детали в социальном механизме.

Автор совершенно правильно, на наш взгляд, начал книгу с освещения места, которое человек занимает в мире. В какой степени человек соответствует своему понятию – то есть понятию «человек»? Без первоначального прояснения этого вопроса как психиатрия, так и психология бессильны в поисках средств преодоления различных аномалий, в поисках исходных общих критериев нормального развития.

Обычно психологическое исследование личности основывается на анализе индивидуальных психических процессов. Однако живое целое, органическая система не сводится к простой сумме составляющих ее частей. Поэтому более методологически обоснованным представляется иной путь – от определения общей сути целостного личностного бытия к пониманию назначения и функции индивидуальных психических процессов. Именно этой логике следует работа Братуся.

Согласно этой логике, анализ, развернутый в **первой главе** книги, сосредоточен на рассмотрении таких понятий, как смысл, ответственность, свобода, и других основополагающих нравственных начал человеческой жизни. Особо значимым мне представляется то, что впервые в нашей психологической литературе достаточно четко обозначена специфическая роль феномена веры как неотъемлемого момента целеполагания и необходимого условия трансцендирующего развития человека.

Отметим также, что автор является одним из первых психологов советской поры, кто чувство любви и совесть человека рассматривает как проявление родовой человеческой сущности. Последовательное введение этой гуманитарной проблематики в научную психологию личности – несомненное достоинство книги.

Во **второй главе** автор разворачивает свою оригинальную общепсихологическую концепцию психического и личностного здоровья человека, строения и динамики личности. Его концепция основывается на традициях ведущей школы отечественной психологии, ассоциирующейся с именами Выготского, Леонтьева и Лурии, связанных с культурно-исторической теорией и теорией деятельности или деятельностным подходом в психологии. Давайте несколько подробнее остановимся на некоторых основных положениях этой научной школы. Это позволит читателю лучше понять общий контекст данной книги.

В наиболее обобщенной формулировке идеи Льва Выготского могут быть связаны с культурно и социально ориентированными теориями, расцвет которых приходится на двадцатое столетие. Однако, в отличие от этих теорий, Выготский вводит в психологическую теорию новую концепцию – концепцию общественно-исторической, или социальной, деятельности человека, в качестве деривата которой понимается его индивидуальная деятельность. По Выготскому, эта общественная или социальная (экстернальная) деятельность связывается с экстрапсихическими процессами, тогда как индивидуальная (интернальная) деятельность – с интрапсихическими процессами. Переход от общественно-социальной к индивидуальной деятельности составляет суть процесса *интериоризации*.

Важнейшую роль в процессе интериоризации играют *знаки*, которые, в действительности, являются двигателем человеческой культуры и средством, культурно обуславливающим индивидуальную деятельность и сознание. Выготский выделяет отдельные стадии «внешних» и «внутренних» знаков в ходе психического развития. По Выготскому, «знак, находящийся вне организма, как и орудие, отделен от личности и служит по существу общественным органом или социальным средством»¹. К тому же знак – это средство, объединяющее людей. «Всякий знак, если взять его реальное происхождение, есть средство связи, и мы могли бы сказать шире – средство связи известных психических функций социального характера. Перенесенный на себя, он является тем же средством перенесения функций в самом себе»².

Допустимо сказать, что для Выготского индивидуальное сознание личности детерминировано следующей прогрессией: общественно-социальная деятельность в форме коммуникации между людьми – культура – знаки – индивидуальная деятельность – индивидуальное сознание. Выготский во многом, хотя и не во всем, обусловил введение понятия деятельности в психологическую теорию. Это понятие впоследствии анализировали и развивали многие выдающиеся советские психологи, в особенности Сергей Рубинштейн и Алексей Леонтьев.

Философско-психологическое понятие деятельности, по сути, состоит в том, что оно отражает отношение человеческого субъекта как социального существа к внешней активности посредством процесса ее трансформации и изменения. Подлинной и универсальной формой этого отношения являются целенаправленные трансформации и изменения, производимые социальным субъектом в чувственно-объектной реальности. Эта деятельность является творческой, и она служит основанием для появления и развития различных форм интеллектуальной деятельности людей в ходе истории (когнитивной, художественной, религиозной и т. д.). Однако каждая из этих производных форм деятельности непременно связана с некоторой трансформацией, которую субъект производит с объектами.

Цель является важнейшим понятием теории деятельности. Каждая деятельность нацелена на трансформацию и присвоение некоторого объекта, реального либо идеального. «Пред-

¹ Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 3. М., 1983. С. 146.

² Там же. Т. 1. М., 1982. С. 116.

мет деятельности выступает двояко: первично – в своем независимом существовании, как подчиняющий себе и преобразующий, вторично – как образ предмета, как продукт психического отражения его свойств, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществляться не может»³.

Таким образом, психическое отражение порождается не путем прямых внешних влияний, но путем активных практических контактов между субъектом и объектным миром, которые, следовательно, обусловлены независимыми свойствами, взаимосвязями и отношениями этого мира. Поэтому «афферент», контролирующий деятельность, по преимуществу сам является объектом, и лишь вторично представление его как субъективного продукта деятельности, несущего в себе свое объективное содержание. То, с чем мы здесь сталкиваемся, это двойной переход: «объект – процесс деятельности» и «деятельность – ее субъективный продукт». Леонтьев подчеркивал особенно, что это не только когнитивные процессы, но также сфера эмоций и потребностей, которые характеризуются объективностью. Именно объектное содержание позволяет им реализовать функцию деятельностного контроля над частью субъекта.

То, что объекты принадлежат субъекту, раскрывается в деятельности человека и, в частности, в его зависимости от потребностей, мотивов, установок и эмоций. Возникает психическое (ментальное) отражение, в результате которого рождается образ, впитавший в себя всю систему объективных отношений, в которых реально протекает человеческая жизнь и практический опыт.

Понятие деятельности внутренне связано с понятием *идеального*. Сфера идеального в человеке, которая характеризует его как социальное существо, благодаря языковым значениям и другим видам знако-символического ряда, позволяет ему предвидеть, антиципировать и испытывать возможные действия, нацеленные на достижение некоего объектного результата, удовлетворяющего потребность. Способ и характер этого действия детерминирован своей сознательно поставленной целью.

В течение своей жизни в обществе человек использует средства сферы идеального, что позволяет ему дистанцировать себя от своей деятельности и представить ее как особого рода объект, который может быть изменен даже до своей актуальной реализации. Таким же образом человек может видеть, оценивать и обсуждать свою деятельность с позиции других членов общества. В ходе своей деятельности каждый отдельный человек формирует идеальную репрезентацию позиций других людей. Идеальный образ деятельности и идеальная репрезентация позиций других людей образуют главный элемент человеческого сознания. Сознание не может быть представлено в изоляции от идеального и деятельности, так как они представляют собой внутреннее единство.

Нужно сказать, что такое понятие идеального совершенно несовместимо с теориями, которые культивируют натуралистические и квазисоциологические представления о человеческой деятельности и сознании, считая их своего рода непосредственными функциями телесной организации и мозга человека. Такого рода интерпретации сознания принимаются некоторыми психологами, психофизиологами и учеными, специализирующимися в области философии. Критические выступления против этой школы мысли проводились известным советским философом Эвальдом Ильенковым, который считал себя одним из учеников Выготского. По Ильенкову, превращение проблемы «идеального» в чисто психофизиологическую проблему заводит науку в тупик, поскольку «тайну идеальности хотят в этом случае раскрыть совсем не там, где она в действительности возникает и разрешается, не в пространстве, где разыгрывается история реальных взаимоотношений между общественным человеком и природой, а внутри черепа, в материальных отношениях между нейронами»⁴.

³ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 84.

⁴ См.: Ильенков Э. В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 7. С. 155–156.

Неразрывная связь между человеком и миром детерминирована его социальной природой и деятельностью. Человек принципиально открыт к миру. В психологии эти философские позиции кристаллизовались в категории «образ мира», которую Леонтьев развивал в последние годы жизни и которая стала важной частью его теории. Он писал, что в понимании личности необходима настоящая «коперниканская» революция, которая перенесла бы фокус с традиционного «птолемеевского» подхода к личности, замыкающегося в круге внутреннего эмоционального опыта. Это показало бы, что сущность и источник личности состоит в ее связях с другими людьми. Во главе угла должно быть то, что личность образуется не некоторыми индивидуальными чертами, свойствами, способностями и т. д., но ее ценностно-смысловой связью с реальным миром, в котором живут другие люди.

Оценивая подход Алексея Леонтьева как высокооригинальный, в то же время мы не должны игнорировать тот факт, что во многих местах его теория уязвима и неполна. Леонтьев не оставил нам развитой теории личности, но только наметил некоторые методологические принципы ее развития. Нужно признать, что эти принципы были очень обобщенными и абстрактными, непосредственно не увязанными с конкретными реалиями, практическим опытом и «клиническим свидетельством» мира, в котором живет человек.

Другой недостаток теории состоит в том, что в ней особое «психологическое измерение» личности редуцировано до «измерения деятельности». По Леонтьеву, именно деятельности субъекта (а не действия, операции, психофизиологические функции или блоки этих функций) являются основными единицами измерения личности. Действительно, как мы видели выше, деятельность представляет собой чрезвычайно важную категорию психологического анализа: именно деятельностями субъекта, их взаимосвязями и иерархиями образованы все специфически человеческие психические функции, включая уровень личности. Однако если деятельности образуют личностный уровень отражения, это не означает того, что они являются собой специфические образования этого уровня, поскольку они образуют также память, мышление, восприятие и т. д. Это означает, что необходимо либо найти специфически «личностную» деятельность и вынести ее как особого рода образование для анализа, либо отказаться от попыток анализировать деятельности как специфические образования личности и признать их не более чем основанием личности (между прочим, это выражение используется самим Леонтьевым). Это то, что служит базисом для появления и развития личности. Другими словами, даже если мы признаем деятельность основанием личности, необходимо, как бы то ни было, продолжить поиск специфических образований анализа личности.

Последовательное развитие этих идей привело к формулированию новых представлений о личности, которые можно охарактеризовать как «смысловые представления», поскольку особое значение здесь имеют понятия смысла, смысловых отношений, смысловой сферы и смыслового бытия личности, на которые они опираются. Борис Братусь является одним из основателей таких теорий, о чем его книга дает наглядное представление. После этого необходимого отступления, посвященного истории, лежащей в основе подхода Братуся, давайте вернемся к обсуждению содержания этой книги.

Мы остановились на второй главе, в которой дается общая психологическая теория личности и содержатся постулаты и гипотезы, показывающие исходную точку авторского анализа. Именно в этой главе впервые вводятся некоторые очень интересные идеи, такие как понятие уровней психического и личностного здоровья, оригинальное описание циклов развития деятельности и новая характеристика смысловой сферы человека. Нужно заметить, что эта характеристика является важнейшим теоретическим достижением.

Признавая глубину научного анализа, проводимого автором в этой главе, я не хочу этим сказать, что выдвигаемые им положения не являются спорными. Напротив, они являются приглашением к дискуссии. Так, лично мне трудно согласиться с авторским определением «координат» личности. Такими координатами он считает деятельностное бытие, культуру как

систему значений и смысловые образования. На наш взгляд, при формулировке такого понимания существенных черт «измерений» личности автора подводит философское чутье. Я считаю, что все эти измерения характерны для сознания человека, а не для его личности. Вместе с тем отмечу спорность и нашей собственной позиции и возможность здесь дальнейшей полемики.

Третья глава⁵ посвящена методам изучения проблем личности. Отмечу важное значение этой главы, в которой фактически обсуждаются не только специально-психологические сюжеты, а широкая и весьма философски значимая область методологии наук о человеке. Говоря о методах исследования, автор отходит от широко распространенных штампов и сосредоточивает внимание на проблеме соотношения между «пониманием» и «объяснением» в науке о человеческой психике. Материал главы позволяет, в частности, хорошо развести позиции психологии и психиатрии при исследовании аномалий психического развития человека и вместе с тем достаточно точно определить роль и значение собственно психологического анализа в проведении их диагноза. Несомненно, привлечет внимание читателя и яркое изложение материалов, относящихся к использованию художественной литературы при рассмотрении психических аномалий личности.

Показывая ограниченность многих традиционных подходов к исследованию аномалий, автор выдвигает и обосновывает свой подход, который он называет *аналитико-преобразующим*. Он исходит из глубоких традиций отечественной психологии, прежде всего научной школы Льва Выготского.

Чтобы понять эту традицию, давайте сделаем еще одно короткое отступление в историю советской психологии. Как я ранее упомянул, согласно теории Выготского, специфические человеческие функции не присущи человеку от рождения, но даны ему как социальные модели. Выготский считал, что психическое развитие человека происходит в форме присвоения этих моделей, которое имеет место в процессе образования и воспитания. В результате этот подход позволил Выготскому сформулировать предпосылки, необходимые для изучения внутренней связи между различными методами образования и соответствующим им характером психического развития ребенка, что привело к необходимости введения в психологический анализ формирующего эксперимента как специального метода изучения, способного обнаружить сущность этих связей.

Выготский и его последователи ввели то, что они называли «каузально-генетическим методом», который сделал возможным изучение процессов возникновения новых психических образований путем их целенаправленного формирования. Подлинный генетический анализ процесса состоит в его систематичном воспроизведении, то есть формирующем эксперименте. Введение этого метода означает переход к качественно новой стадии в развитии психологии. Метод формирующего эксперимента характеризуется активным вмешательством психологов в область психических процессов, которые они изучают. Это делает этот эксперимент отличным от констатирующего эксперимента, который обнаруживает состояние психических образований, которые уже сформировались и существуют в наличности. Применение формирующего эксперимента предполагает проектирование и моделирование формируемых психических образований. В русле анализа путей и способов воплощения такого проекта (модели) также возможно изучать условия и порядок происхождения, или генезиса, соответствующего нового психического образования. Как писал П. Я. Гальперин, «только в генезе раскрывается подлинное строение психических функций; когда они окончательно сложатся, строение их становится неразличимым, более того – „уходит вглубь“ и прикрывается „явлением“ совсем другого вида, природы и строения»⁶.

⁵ В данном (втором) издании это глава IV. – *Ред.*

⁶ Гальперин П. Я. К учению об интериоризации // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 26.

В нашей стране этим методом пользовались сотрудники С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина и П. Я. Гальперина в области изучения развития мышления, восприятия и умственной деятельности. В наших собственных исследованиях мы используем формирующий эксперимент в качестве главного метода исследования процессов психического развития школьников при осуществлении ими различных видов деятельности, в особенности учебной. Заслуга Б. С. Братуся – в модификации, развитии и применении этого подхода к сложнейшей области аномалий личности. Как ученый, хорошо знакомый со своеобразием данного метода, с теми серьезными трудностями, которые возникают у исследователя, стремящегося его использовать, я могу по достоинству оценить эту заслугу.

В **четвертой главе**⁷ книги автор на основании представленных теоретических разработок переходит к обсуждению конкретных механизмов аномального развития личности. Изучению диагностики и коррекции аномалий личности автором было посвящено более 20 лет работы. В ходе интенсивных исследований им был накоплен большой и интересный материал о различных типах нарушений психического здоровья. В книге, в частности, представлен анализ изменений личности при эпилепсии, патохарактерологическом и невротическом развитии и разных формах алкоголизма.

В главе подробно рассмотрено действие механизма «сдвига мотива на цель», описанного в теории деятельности А. Н. Леонтьевым. В качестве модели для анализа Братусь избрал изменения личности при эпилепсии. Его тонкий анализ отслеживает изменения психической деятельности в ходе болезни, преобразование ее структуры и функций и показывает, какие последствия это влечет для всего развития личности. Мне представляется, что это место книги наглядно показывает достоинство деятельностного подхода к изучению психики. Но это не значит, однако, что нет достоинств у недеятельностного подхода. Нужно сказать, что у последнего их гораздо больше, чем у деятельностного, поскольку мировая психология в основном строится на основе таких понятий, среди которых понятие деятельности отсутствует. Более того, эта психология получает значительное приложение в практике, чем мы – представители деятельностного подхода – особенно похвастаться не можем. Поэтому одной из важнейших задач, стоящих перед теорией деятельности, является задача указать, в каких областях она имеет явное преимущество по сравнению с другими подходами к изучению сознания и личности человека. А то, что такое преимущество действительно существует, я почувствовал при ознакомлении с книгой Братуся, где хорошо показано, какими большими возможностями обладает грамотное использование открытых в рамках деятельностного подхода механизмов. Этими возможностями, по моему мнению, не всегда обладает даже мощная психоаналитическая психология. Замечу также, что объясняющая сила развиваемой в книге концепции выходит за пределы того круга явлений, который в ней исследуется. Так, феномен «смещения мотива на цель», который детально и аргументированно обсуждается в книге, может иметь существенное значение для объяснений многих событий нашей отечественной истории. Автор убедительно показал, что механизм «сдвига мотива на цель» не сводится к своеобразному расширению мотивационных устремлений, как это утверждал А. Н. Леонтьев и другие. Нет, этот сдвиг может выразиться в сужении, заострении, замыкании мотивационных устремлений на каких-то отдельных блоках того, что было сложной системой. Сказанное имеет немалое значение для персонетики и исторической психологии.

Глава также содержит анализ механизмов нарушения целевой регуляции деятельности в их связи с личностными аномалиями, возникающими в ходе невротического и патохарактерологического развития. Автор приводит данные оригинальных экспериментальных и клинических исследований, показывающих различные варианты формирования целевых структур деятельности, соотношения общих (идеальных) и конкретных (реальных) целей и их влияние

⁷ В данном издании это глава V. – *Ред.*

на различные уровни психического здоровья, включая высший, личностный уровень. В соответствии с принципами аналитико-преобразующего подхода автор показывает следствия выведенных закономерностей и возможность их использования в психокоррекционной практике.

Принципиально важно значение предложенных и прошедших апробацию диагностических рекомендаций. Каждый, кто имеет дело с клинической диагностикой, знает, сколь значительна роль традиционных феноменологических и в сущности интуитивных оценок в психоневрологической практике. Сила этой книги состоит в практическом приложении авторской методики, которая помогает сделать дифференциальную диагностику неврозов и психопатий высоконадежной. Это может показаться частным успехом автора, но на самом деле эти и другие практические выходы его работы являются конечным следствием сложной теоретической конструкции, которую он построил и обосновал. Представления Б. С. Братуся о психическом здоровье отличает не только внутренняя логика, но и высокая степень адекватности всему многообразию фактов, которое он систематизировал.

Последняя, **пятая глава**⁸ книги посвящена общепсихологическим предпосылкам изучения алкоголизма – чрезвычайно значимой для многих стран мира проблемы. Следует сказать, что в исследовании психологии алкоголизма автор занимает признанно ведущую роль в нашей стране. Ему принадлежат первые собственно психологические монографии по проблеме алкогольной зависимости, которые часто цитируются в научных исследованиях по патопсихологии, наркологии и смежным дисциплинам. В последние годы список работ Б. С. Братуся в этой области пополнился работами, посвященными алкоголизму подростков и юношей, который имеет тенденции к нарастанию во многих странах.

Несомненно, что глава привлечет внимание широкого круга специалистов, вовлеченных в исследование и борьбу с социальным злом алкоголизма. Используя свой богатый опыт работы в этой области, автор дает новую психологическую характеристику основных этапов становления этой психической аномалии, коренящейся в иллюзорной компенсации человеком острых разладов своей жизни. В книге даются проверенные рекомендации по организации психокоррекционной работы с больными, нацеленной на создание у них смысловой установки на трезвость, и описываются принципы психологической профилактики алкоголизма у детей и подростков «группы риска».

В заключение я хотел бы сказать, что эта книга – наглядная демонстрация таланта ее автора. Она посвящена важной жизненной проблеме аномалий психического развития и возможных путей их коррекции. Материалы, содержащиеся в этой книге, показывают, что общепсихологический анализ обсуждаемых в ней проблем имеет важные практические приложения. При этом автор не пытается обойти еще не решенные трудные теоретические вопросы.

Я уверен, что эта книга будет интересна и полезна психологам, психиатрам, учителям, философам и вообще любым интеллигентным читателям, короче, всем тем, кто задумывается над серьезными вопросами значения жизни, человеческого в человеке и психологических причин душевных отклонений.

Василий Давыдов, Москва, октябрь 1989

⁸ В данном издании – глава VI. Это разночтение (как и отмеченные в примечаниях выше) объясняется тем, что первое издание и его перевод в Америке, к которому В. В. Давыдов написал вступительную статью, составляли пять глав. К этому (второму) изданию автором была подготовлена новая глава, занявшая в содержании место третьей, что и обусловило сдвиги в последующей нумерации глав. – *Ред.*

Предисловие ко второму изданию

Достаточно длительную (не вспышкой, а свечением) судьбу книги трудно предугадать заранее. Неопределима она ни самими по себе достоинствами, ни качеством редактуры, ни отзывами и прогнозами критиков. Речь, скорее, должна идти о таинстве встречи двух сторон – автора и читателя, что происходит наедине друг с другом, хотя между написанием и чтением могут лежать месяцы и годы⁹.

Коллизии и перипетии этой встречи пишущего и читающего бесконечно разнообразны. Да и сама она, если разобраться, настолько проблематична и зависима от обстоятельств (можно ведь прочитать и не встретиться), что приводит на ум старую аналогию с брошенной в бушующее море бутылкой, в которой запечатано послание к людям. Только теперь это море информации, девятый вал сведений и новостей с изрядной пеной пустословия. Но, как и столетия назад, доверивший свое послание стихии надеется, что оно будет кем-то обнаружено, прочитано, понято. Что чьи-то заинтересованные глаза разберут написанное, что порывы и надежды сочинителя не растворятся в небытии, но перейдут в обиталище другого ума и сердца, начиная (продолжая) там (в иных, разумеется, одеждах, деталях и обстановке) свою жизнь. Судьба книги – в конечном и изначальном – зависит от этого понимания, резонанса и сочувствия, передаваемого по цепи. Любой автор (ученый не исключение) уповает на эту возможность.

Уповаю и я, отправляя сейчас книгу в путь, хотя со времени подготовки ее первого издания и предисловия к нему (где – повод для возможных интерпретаций коллег-психологов – тоже о «своем читателе») прошло более четверти века – срок для научного текста (да и человеческой жизни вообще) весьма значительный, за который столь многое кардинально переменилось. Действительно, первое издание писалось и выходило в другом веке, в другом тысячелетии, в другой, ныне ушедшей стране, в другом издательстве, наконец, ибо прежнего (как страны и века) давно нет. В чем же тогда смысл и необходимость нового, пусть и переработанного, дополненного издания?

Начнем с аргументов объективного порядка.

Несмотря на то, что первое издание давно раскуплено и стало библиографической редкостью, содержание и идеи книги продолжают пользоваться известным спросом – ее цитируют, она входит в различные списки учебно-методической и научной литературы, рекомендуемой по патопсихологии, общей психологии, психологии личности, психологии развития. Извлечения из нее перепечатываются в солидных учебных и научных хрестоматиях¹⁰. В такой ситуации отсутствие в профессиональном обиходе заново выверенного, существенно обновленного текста книги становится некоторым пробелом в ознакомлении с материалом, задействованным в подготовке психологов. Заметим при этом, что стремительно устаревают информационная, но не концептуальная сторона, не тип знания, не школа рассуждений, не общий смысловой подход. Поэтому если конкретные показатели, эксперименты, корреляции требуют постоянного обновления, применения все более точных и сложных аппаратных и математических ухищрений, то общие теоретические построения и гуманитарные подходы в психологии могут долго оставаться востребованными и актуальными. Меняются методики, методы остаются.

⁹ Напомним слова Анны Ахматовой: «А каждый читатель как тайна, как в землю закопанный клад, пусть самый последний, случайный, всю жизнь промолчавший подряд».

¹⁰ См.: Братусь Б. С. Психология личности / Психология личности. Т. 2. Хрестоматия. Самара, 1999 (переиздания: 2000, 2002, 2007, 2009, 2013); *Он же*. Типологическая модель Б. С. Братуся / Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характера. Самара, 1997 (переиздания: 2000, 2002, 2005, 2007, 2009, 2017); *Он же*. Смысловая сфера личности / Психология личности в трудах отечественных психологов: Хрестоматия. СПб., 2000 (2-е изд. – 2009); *Он же*. К проблеме развития личности в зрелом возрасте / Психология развития: Хрестоматия. М., 2005; *Он же*. Об аномалиях развития личности / Психология личности: Хрестоматия. М., 2009 и др.

При подготовке переиздания строй и логика текста были принципиально сохранены, но тем, кто читал прежнее издание, автор рекомендовал бы познакомиться и с новым. Во-первых, весь текст внимательно пересмотрен и во многих местах дописан и переписан заново¹¹.

Во-вторых, привнесены – там, где автор считал нужным, – современные комментарии и существенные добавления к сделанным исследованиям. В-третьих, появились целые разделы, которых не было в первом издании: глава III «Место психологии в изучении душевных болезней»; в главу I «Постановка проблемы нормы психического развития» добавлен § 3 «О различении понятий „человек“ и „личность“»; в главе V «Некоторые психологические механизмы нормального и аномального развития личности» прибавилось два параграфа: § 3 «О механизмах разрешения противоречий в зрелом возрасте» и § 4 «Отношение к смерти как маркер личностного развития». В главе VI «Психологический анализ одного из видов патологии личности» появились пять новых параграфов: § 1 «Введение», § 4 «Самооценка», § 5 «Общепсихологические предпосылки деформации», § 8 «Восстановление (психологические аспекты)», § 10 «Восстановление (духовные аспекты)»¹². Существенно переработан и расширен в главе II «Исходные психологические предпосылки и гипотезы» § 4 «Смысловая сфера личности». В целом объем книги по сравнению с первым изданием увеличился почти в два раза.

* * *

Теперь о стороне субъективной, личной, что в книге о личности, надеюсь, не будет сочтено лишним.

В начале 1980-х мне позвонили из головного тогда по гуманитарной проблематике московского издательства «Мысль» и предложили написать книжку (до десяти печатных листов) по психологии и профилактике алкоголизма. Видимо, к ним была спущена какая-то разнарядка по этой тематике, а я был выбран потому, что в 1972 году защитил первую в стране и долго остававшуюся единственной кандидатскую диссертацию по психологии алкоголизма (к этому обстоятельству мы еще вернемся в § 1 гл. VI). Возможности (тогда весьма редкой) издания монографии я, разумеется, обрадовался, но психология алкоголизма уже не была для меня главным предметом исследований – в поле внимания вошел более широкий круг вопросов, включающий психологический анализ психопатий, неврозов, эпилепсии, последствий черепномозговых травм и др. Поэтому я затеял «торговлю» с целью расширить тематику и, соответственно, объем книги. Алкоголизм, – убеждал я главную редакцию, – это одна из ветвей целого куста аномалий, и надо не с одной только веткой с помощью научной и популярной литературы бороться, но анализировать, выявлять, искать природу и пути устранения общих корней.

Так или иначе, издательское начальство с трудом, но удалось уломать, и окончательный договор был оформлен на выпуск книги объемом уже в восемнадцать печатных листов под предложенным мною названием «Аномалии личности как психологическая проблема». В дальнейшем название показалось издательству слишком длинным (покупатель, – всерьез доказывали мне, – утомится его читать и уйдет от прилавка, не заинтересовавшись книгой). В резуль-

¹¹ Тексты автора, несмотря на чудеса и удобства компьютерного набора, остаются – буквально – рукописными (написанными рукой). Не только, как подумает читатель, из ретроградства, привычки застрявшего в XX веке ученого, но из глубокого профессионального (как психолога) убеждения, что письмо, письменное изложение (и движение) появилось и остается для человека последней, данной ему предельной возможностью, инструментом, шансом полного сосредоточения всего психофизиологического аппарата, направленного на то, чтобы уловить, понять, попасть, точно выразить свою мысль, идею, интенцию, смысл. Музыкант играет ведь всем существом своего организма, тела и души, а не только смычком или клавишами по струнам. Искомый единственно нужный звук появится лишь на острие всех усилий, так же как искомое слово – на кончике пера, которое, – словами поэта, – «скользя по глади расчерченной тетради, не зная про судьбу своей строки, где мудрость, ересь смешались, но доверяясь толчкам руки, в чьих пальцах бьется речь вполне немая, не пыль с цветка снимая, но тяжесть с плеч» (Иосиф Бродский).

¹² Этот параграф написан Е. Н. Проценко.

тате оставили только первые два слова, хотя прежнее название мне до сих пор нравится больше, поскольку сразу заявляет именно психологический аспект рассмотрения, в отличие, скажем, от психиатрического или социологического. Но поскольку название «Аномалии личности» за это время устоялось, стало неким «брендом», то пришлось оставить его и в данном (втором) издании без изменений, добавив лишь пояснение «психологический подход» в подзаголовок.

Издательство «Мысль», как упоминалось, было центральным, специализировавшимся на выпуске книг гуманитарного, общественно-политического профиля, а следовательно, целиком пропитанным в то время соответствующей советской идеологией. В первую очередь это касалось той конкретной редакции, что должна была непосредственно выпускать мою книгу, – редакции философской литературы, про которую ходили «страшные» истории о безжалостном цензурировании, вымарывании, грубых переделках текста в угоду очередным партийным веяниям. Вконец расстроенные, чуть ли не со слезами на глазах авторы были не в диковинку в коридорах издательства. Начало моего общения тоже не предвещало ничего хорошего: одна из руководительниц издательства, прочтя фрагмент моего текста, решительно заявила, что в таком виде и стиле работа никак не пройдет, и вообще она никому не нужна и может представлять интерес разве что для самого автора, который и будет ее единственным заинтересованным читателем. «Для себя одного пишете», – заключила она свой приговор. Но надо при этом сказать, что с непосредственным, рабочим редактором книги – Еленой Самуиловной Дых – мне, тем не менее, повезло, и я с благодарностью вспоминаю ее профессионализм и понимание.

Между тем сроки сдачи рукописи затягивались, срывались, их приходилось едва ли не скандалом переносить с года на год не только вследствие медлительности и нерадивости автора, но и потому, что последний неожиданно для себя столкнулся с трудноразрешаемой проблемой. Дело в том, что когда я приступил к написанию, то наивно полагал, что с обобщением накопленных к тому времени наблюдений и выводов особых сложностей не будет. Разумеется, это оказалось не так, работа шла трудно, но все же причина основной задержки была не в этом. По мере «конструирования» текста, поисков адекватных объяснений передо мной, как автором, все отчетливее и острее вставал вопрос, ответ на который, казалось бы, должен быть совершенно очевиден, причем давно и всем (кроме пока автора). Этот вопрос – *что такое психологическая норма?*

Но сколько ни искал – убедительного ответа не находилось. Более того, сам этот вопрос оказался крайне непопулярным и даже, если можно так сказать, малоприличным в благородном психологическом собрании, поскольку, когда он возникал (особенно когда я добивался конкретного ответа), его пытались всячески избегнуть, замять, перевести разговор. Словом, я основательно застрял на этом предварительном, служебном, как мне казалось до того, этапе. Я видел, что в большинстве работ авторы, минуя проблему нормы, сразу исходили из представления об аномалиях, их видах и особенностях, в результате чего область замыкалась на самой себе, уходя, по сути, из общего пространства науки и жизни¹³. Когда же речь заходила о понимании нормы, то оно чаще задавалось через отношение к тем же аномалиям: либо негативно – через указание на их в нормальном поведении отсутствие, либо через признание их минимального, сдерживаемого в определенных рамках наличия, которое не угрожает среднему уровню адаптации к социуму.

Для того чтобы найти иной подход, требовался кардинальный методологический поворот. Для меня (во мне) он произошел тогда, когда стало субъективно ясно: исходным для понимания аномалий являются не они, взятые для изучения сами по себе, а та норма (соответ-

¹³ В качестве небольшого примера приведу фрагмент разговора с моим тогдашним коллегой, который обнаружил в экспериментах некие интересные данные относительно тактики действий при разных формах психопатий. Я спросил его: «А что это значит для жизненного поведения больного, его судьбы? Что это значит вообще для понимания механизмов нашего поведения?» Коллега ответил, что подобные вопросы он не ставил и они его, честно говоря, совсем не интересуют. Словом, диссертация на основе этих экспериментов и корреляций успешно защищена, чего же боле?

ственно – стоящее за ней понятие о человеке), от которой они уклоняются, мимо которой промахиваются. Исследуя аномалии, мы, образно говоря, идем от света к оттенкам, теням, сумеркам (при их сгущении – тьме). И при всей значимости внимания к этим степеням затемнений знание о заслоняемом ими свете является исходно ключевым.

И не только чтобы самим сохранить систему нравственных координат, себя, в конце концов, как личность, но для того, чтобы мочь служить проводником, надеждой, ободрением для терпящего бедствие человека. Древний императив «Врачу – исцелися сам» не просто про гигиену врачующего, но про первую опору в исцелении страждущего. В отношении душевных, психических, личностных недугов и отклонений это еще более верно, чем в отношении страданий телесных. Отсюда такая значимость исповедуемого мировоззрения, общего представления о человеке как стержне нашей (пусть и не врачебной, но тоже помогающей, человекоориентированной) профессии.

Благодаря этому повороту (кажущемуся сейчас, наверное, очевидным, но тогда давшееся непросто) я по-другому посмотрел на свои исследования, свою работу (в частности, разумеется, на содержание и задачи этой книги), что привело к выходу за границы чистой патопсихологии в области антропологии, аксиологии, философии человека. Это привело, в свою очередь, к изменению, точнее, коррекции профессиональной идентификации уже не только с патопсихологией как таковой, но и все более с общей психологией, прежде всего в понимании Л. С. Выготского как «философией практики», «философией психологии» (замечу в скобках, что пишу эти строки в качестве профессора, а до того – в течение шестнадцати лет – заведующего кафедрой общей психологии факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова).

Но вернемся к истории первого издания. Работа над ним, оказавшаяся столь многосложной, была к началу 1988 года, наконец, закончена. Приведенное выше предсказание издательского начальства, что содержание в таком виде «никак не пройдет», оказалось ложным. Цензура к тому времени (начало «перестройки») ослабевала, бывшая заведующая выпускающей редакции уволилась на пенсию, и рукопись без особых потерь прошла в печать. Вердикт, согласно которому книга будет интересна лишь самому автору и читать ее никто не будет, тоже не состоялся. В ответ на официальные запросы издательства книготорговым организациям относительно количества экземпляров, которые они гарантированно собираются закупить для продажи, пришло заявок более чем на пятьдесят тысяч, что и по тем временам для сугубо научной монографии было достаточно редким явлением. В издательстве искренно удивились, но, вспомнив, видимо, прошлые сомнения, напечатали только тридцать тысяч экземпляров. Этот тираж разошелся буквально за 3–4 месяца. Оказавшись однажды около отдела философии и психологии центрального московского книжного магазина, сам видел (одновременно удивляясь, радуясь и недоумевая), как вскоре после поступления книги на прилавок отдела ее стали раскупать, словно газету...

Конечно, такой успех во многом связан с особым наэлектризованным временем, с тем, что книги по психологии личности тогда были единичны. Но – так или иначе – книга была стремительно раскуплена и ей предстояло теперь оправдать (или не оправдать) ожидания и те 1 рубль 40 копеек, которые она стоила в 1988 году...

По моим наблюдениям, о научной монографии гуманитарного цикла можно говорить как о состоявшейся (или не состоявшейся) не ранее чем через 5–7 лет после выхода в свет. К тому времени она начинает прорастать (или не прорастать) в поле проблем данной области, входить (или не входить) в научный и учебный обиход. Судя по обсуждениям, отзывам, ссылкам, переходам в научные и учебные программы, извлечениям в хрестоматиях, изданию в Америке, – «Аномалии личности» прошли это испытание.

С середины девяностых автор стал регулярно получать предложения о повторных изданиях. И каждый раз отказывал, считая, что второе издание должно быть качественно иным. Наконец, решившись приступить к работе, автор заключил договор с одним из столичных

издательств учебной и научной литературы. Но – увы – в отведенный срок его не исполнил. Причина в том, что книга сопротивлялась крупным, принципиальным изменениям, и вообще создавалось впечатление, что ее надо принять как есть и заняться другими темами и книгами. Так автор и поступил. Однако, вопреки этой логике, «Аномалии» внутренне никак не отпустили полностью и с все большей настойчивостью звали вернуться, последний раз пересмотреть, поправить, договорить, разъяснить. И поняв, наконец, что сопротивление этому зову бесполезно, автор сдался: среди текущих жизненных, научных, учебных, организаторских забот и перипетий он принялся за подготовку второго издания. Работа оказалась длительной и кропотливой, с перерывами растянувшейся на целых двенадцать лет. Результатом стал этот труд, судьба которого будет зависеть от Вас, дорогой читатель.

Борис Братусь, Москва, июль 2018

Глава I

Постановка проблемы нормы психического развития

1. Дихотомия «норма – патология»

Хотелось бы начать эту главу с одного личного воспоминания – первого столкновения с реальной сложностью проблемы нормы и патологии.

В конце 60-х годов прошлого века мне, тогда старшему лаборанту кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского университета, доверили проведение нескольких демонстраций в клинике душевных заболеваний, которые приурочивались к соответствующим разделам общего курса лекций по патопсихологии, читаемых тогда на факультете моим учителем и научным руководителем Блюмой Вульфовой Зейгарник. Студенты-третьекурсники, для которых готовились эти демонстрации, с нескрываемым любопытством впервые переступали порог психиатрической клиники, где им должны были показать проявления патологии мышления, нарушений личности и самосознания. Больные для демонстраций подбирались соответствующие, что на преподавательском жаргоне называется «студенческими случаями», то есть с предельно ясным, без диагностических вариаций выражением именно тех нарушений, о которых шла речь в общем курсе лекций.

Однако демонстрации на большинство студентов производили разочаровывающее впечатление. Дело в том, что студенты не видели в больных, которых приводили к ним, ничего особенно «патологического». Вместо ожидаемых с замиранием сердца «сумасшедших», «безумцев» с опасным и непонятным поведением перед ними оказывались вполне по внешнему виду «нормальные люди», которые вели себя «как все»: здоровались, охотно беседовали, высказывали иногда весьма интересные мысли и т. п. А то, что они могли вдруг начать с жаром говорить о преследовании со стороны соседей или инопланетян, казалось студентам поправимым, для чего надо лишь найти действенный способ убедить их, что они заблуждаются.

Когда же я добросовестно выдвигал один за другим общепринятые критерии аномальности, указывая на явные ошибки в суждениях больных, на алогичность их высказываний, на отсутствие в реакциях психологически понятной связи с фактами реальной жизни и т. п., то чуть ли не каждый студент спешил привести похожие, на его взгляд, случаи из своего опыта, из наблюдений за другими, из описаний художественной и популярной литературы, короче, сводил все к формуле «а с кем этого не бывает».

Словом, демонстрация рассыпалась, цели своей не достигала: студенты не видели искомого патологического явления, например бреда как такового, а видели в целом нормального, «как все», разве немного в чем-то ошибающегося и почему-то упорствующего в своих ошибках человека. Разумеется, тут сказывалась и моя неопытность как преподавателя – сам был лишь вчерашним студентом. Однако и позднее приходилось наблюдать подобную тенденцию – представления о патологии до тех пор кажутся ясными и очевидными, пока думаешь, как думает большинство непосвященных, усвоивших, что сумасшедший – это обязательно бросающийся на стенку и выкрикивающий непонятное. Когда же имеешь дело не с описанием в учебнике того или иного изолированного синдрома, а с его конкретным носителем – живым человеком, со своей судьбой, интересами и особенностями, то вопрос, что есть норма и что – патология, теряет свою ясность и простоту, становится расплывчатым и трудноуловимым. И хотя профессиональные клиницисты – психиатры и психологи – научаются со временем безошибочно, иногда по одному лишь жесту, слову, внешнему виду человека определять его внутреннее состояние, относить его к нормальному или патологическому, сущность и теоре-

тические (а не интуитивно-эмпирические) основания дихотомии «норма – патология» до сих пор остаются и для них самих недостаточно ясными. Впрочем, судите об этом сами.

* * *

Самым, пожалуй, расхожим остается для многих психологов и психиатров понимание нормы как, во-первых, чего-то среднего, устоявшегося, не выделяющегося из массы и, во-вторых (что необходимо связано с первым), – наиболее приспособленного, адаптированного к окружающей среде. Такое понимание хорошо согласуется со здравым смыслом и имеет весьма глубокие корни в житейском сознании, прочно отождествляющем нормальное и общепринятое (заметим, что и студенты не видели патологии именно на этом основании, поскольку демонстрируемые больные вели себя, по их мнению, «как все»).

Данный *статистически-адаптационный* подход к пониманию нормы вызывает, однако, резкую и, видимо, столь же, как и сам этот подход, давнюю критику. Интересно, что его критиковали еще старые психиатры, хотя, казалось бы, они должны были первыми найти в нем опору для тех особых и редких, по статистике, отклонений психики, с которыми встречались в клинике душевных болезней. Они указывали на то, что отождествление нормальности с часто встречающимся резко снижает представление о человеческом развитии, низводя его до уровня приспособления к расхожим шаблонам поведения. Старый французский психиатр К. Кюльер говорил, что «в тот самый день, когда больше не будет полунормальных людей, цивилизованный мир погибнет, погибнет не от избытка мудрости, а от избытка посредственности». Согласно Ч. Ломброзо, «нормальный человек – это человек, обладающий хорошим аппетитом, порядочный работник, эгоист, рутинер, терпеливый, уважающий всякую власть, домашнее животное». М. Ферри сравнивал нормального человека с готовым платьем, которое продают в больших магазинах, и т. п.¹⁴

Непринятие статистических и адаптивных критериев нормы как достаточных звучало и в последующих исследованиях. Причем часто это был, по сути, парафраз и развитие вышеприведенных мнений старых психиатров, например суждения Г. Олпорта о несостоятельности расхожих представлений о норме. «Сегодня, – писал он, – мы все глубоко озадачены усовершенствованием поведения среднего человека, поскольку к настоящему моменту возникли серьезные сомнения в том, что простая посредственность может выжить... Само общество становится все более больным, мы сомневаемся, что посредственный человек сможет избежать психических расстройств и правонарушений, сумеет не попасть под власть диктаторов или успешно предотвратить атомную войну. Кривая нормального распределения не оставляет нам надежды на спасение. Нужны граждане нормальные и здоровые в позитивном смысле слова – мир нуждается в них, как никогда раньше»¹⁵. Или сошлемся на польского психолога и клинициста К. Домбровского, который считал, что способность всегда приспосабливаться к новым условиям и на любом уровне свидетельствует о моральной и эмоциональной неразвитости. За этой способностью скрываются отсутствие иерархии ценностей и такая жизненная позиция, которая не содержит в себе элементов, необходимых для положительного развития личности и творчества¹⁶.

Можно привести критическое рассуждение, исходящее из иных – более строгих, естественно-научных оснований. Статистический подход предполагает необходимость количественного измерения свойств исследуемого объекта и установление с помощью математики соответствующих средних показателей. Понятно, что для столь сложного объекта, каким явля-

¹⁴ См.: Ганцушкин П. Б. Избранные труды. М., 1964. С. 49–50.

¹⁵ Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М., 2002. С. 36.

¹⁶ Dombrowski K. Trud istnienia. Warszawa, 1975; *Idem*. Multilevelness of emotional and instinctive functions. Lublin, 1996.

ется психика (тем более – область личности), необходимы выделение и учет не одного и не двух, а по крайней мере нескольких свойств. Однако, даже если отвлечься от сложнейшей, не решенной до сих пор (и неизвестно, решаемой ли в принципе¹⁷) проблемы верификации этих свойств и адекватного перевода в количественные показатели, применение такого подхода сталкивается на практике с серьезными трудностями. Это убедительно показано Ю. Б. Гиппенрейтер. Она пишет: «Пусть „нормальными“ будут считаться такие степени отклонения какого-нибудь свойства от математического среднего, которыми обладает половина популяции; тогда по ¼ популяции разместятся на обоих полюсах „оси“ этого свойства в зонах „отклонения“ от нормы. Если мы теперь возьмем не одно, а два независимых свойства, то при тех же условиях в „нормальной“ зоне окажется уже ¼ часть популяции, а остальные ¾ попадут в зоны „отклонения“; при пяти независимых свойствах „нормальным“ окажется один человек из 32, а при десяти свойствах – один из 1024!»¹⁸

Так что последовательное применение статистического подхода может обернуться парадоксом – среднестатистическим нормальным окажется крайне редкое явление вопреки исходному априорному представлению о среднем, нормальном как о наличном у большинства.

Чтобы обойти эти сложности, исследователи – осознанно или неосознанно – используют разные приемы. Наиболее простой и весьма распространенный из них – принятие *негативных критериев нормы*. Согласно этому подходу, норма понимается, прежде всего, как отсутствие каких-либо выраженных патологических симптомов. Если у человека не обнаруживается этих симптомов, значит, он нормален, значит, он здоров¹⁹. Понятно, что данный подход в лучшем случае очерчивает границы круга, в котором следует искать специфику нормы, однако сам на эту специфику никоим образом не указывает.

Не решает проблемы и подход с позиций *культурного релятивизма*, который является, по сути, вариацией статистически-адаптационного подхода. Согласно этой вариации, о норме и патологии можно судить лишь на основании соотнесения особенностей культуры определенных социальных групп, к которым принадлежат исследуемые индивиды: то, что вполне нормально для одной социальной группы, для другой будет выглядеть как патология. Существует целый ряд солидных исследований, дающих примеры межкультурных различий, как в макромасштабе (например, между Востоком и Западом), так и в микромасштабе (например, между различными слоями и социальными группами одного и того же общества). Однако, по мнению

¹⁷ Согласно строгому определению ГОСТа, измерение – это нахождение значения физической величины опытным путем с помощью специальных технических средств. Сразу возникает вопрос: возможно ли представить все существенные показатели характера и личности в виде «физических величин», а если нет, то применимо ли к ним тогда само понятие «измерение» в строгом значении слова? Или здесь приложимо лишь менее жесткое представление? «Надо помнить, – писал академик А. Н. Крылов, – что есть множество „величин“, то есть того, к чему приложимы понятия „больше“ и „меньше“, но величин, точно не измеримых, например: ум и глупость, красота и безобразие, храбрость и трусость, находчивость и тупость и т. д. Для измерения этих величин нет единиц, эти величины не могут быть выражены числами...» (Крылов А. Н. Прикладная математика и ее значение для техники. М. – Л., 1931. С. 3).

¹⁸ Гиппенрейтер Ю. Б. Понятие личности в трудах А. Н. Леонтьева и проблема исследования характера // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1983. № 4. С. 20.

¹⁹ Борьба против патологии, болезней – важнейшая и благородная задача медицины, отсюда и укорененность в ней именно негативных критериев здоровья. Например, при комплексном исследовании – так называемой диспансеризации – человеку для определения состояния его здоровья необходимо посетить всех имеющихся в данном медицинском учреждении специалистов, и если каждый из них фиксирует отсутствие патологии (внутренних органов, нервной системы, зрения, слуха и т. п.), то это станет основанием для итогового благоприятного диагноза – «практически здоров». Понятно, что на деле это может означать и то, что в данной, например, поликлинике нет пока того прибора, лаборатории или специалиста, которые нашли бы скрытую еще патологию. «Практически здоров» означает в этом плане невыясненность того, чем человек, возможно, уже болен. Через медицину, ее особую значимость для человека и общества взгляды на здоровье как только отсутствие болезней усвоились расхожей психологией и обыденным сознанием. Нетрудно, скажем, заметить, что многие популярные журналы, издания, разделы, выходящие под рубрикой «Здоровье», можно без особого изменения содержания переименовать в рубрику «Болезни», ибо речь идет не о здоровье как таковом, а о различных болезнях, которых надобно избежать. Происходит подмена близких, казалось бы, вещей: достижение здоровья и противостояние болезни. Легко согласиться, что второе – необходимое условие первого, однако же не суть его (подробнее о взглядах на болезнь в психологии и медицине речь пойдет в гл. II, § 3, и гл. III).

В. В. Лучкова и В. Р. Рокитянского, при таком подходе по крайней мере два обстоятельства делают невозможным однозначное определение нормального и аномального поведения. Это количество социальных общностей, «социумов», к которым принадлежит любой индивид, и неоднородность предъявляемых каждым таким «социумом» требований: «В силу этих обстоятельств поведение индивида регулируется не единым набором норм, а множеством требований, хотя и связанных между собой, но не совпадающих и подчас не согласуемых друг с другом (требования семьи, референтной группы, рабочего коллектива, социальной среды и т. д.; явные и скрытые нормы, юридические и нравственные и т. п.)... Очевидно, что, последовательно придерживаясь этого подхода и переходя ко все более мелким подразделениям социальной среды, мы для каждого индивида получим множество критериев нормы и патологии, вплоть до представления, что „все нормально по отношению к самому себе...“, или – если воспользоваться старой русской пословицей – „всяк молодец на свой образец“»²⁰.

Однако такое представление в научном плане есть не что иное, как снятие проблемы нормы, капитулирование перед ее сложностью и переход к описанию индивида только как особенного, уникального в своем роде. Наиболее последовательно эта точка зрения выражена в *экзистенциальном подходе* к душевной болезни и в так называемом течении *антипсихиатрии*. Экзистенциалисты при этом больше упирали на уникальность внутреннего мира человека, на необходимость интуитивного проникновения, творческого сопереживания для его познания. Один из классиков этого направления, Л. Бинсвангер, например, писал: «Поскольку и в какой-то мере диагностические суждения врача исходят не из наблюдения организма пациента, а из его понимания как человеческого существа, понимания человеческого существования, постольку отношение его к больному – это уже не только отношение „медицинского работника“ к своему научному объекту. Здесь уже имеет место его связь с пациентом, – связь, основанная на заботе и любви. Следовательно, сущность „бытия психиатра“ в том, что он выходит за пределы всякого фактуального знания и соответствующих способностей, выходит за пределы научного знания, получаемого из психологии, психопатологии и психотерапии»²¹.

В высказываниях антипсихиатров больше звучали социальные ноты (недаром, видимо, это движение возникло в Англии, США и других западных странах в 60-е годы – годы высокого подъема социальной активности, бурных общественных протестов и манифестаций). Психически больные нередко рассматривались в рамках этого направления как жертвы плохого, патогенного общества, которое признает сумасшедшим того, кто не соглашается с предписаниями религии и государства. Движение, лидерами которого стали Д. Купер, Р. Лэинг, Т. Шаш и др., требовало отмены больничных порядков, отмены самих терминов «психиатрия», «психиатр». Согласно их взглядам, психиатрические больницы есть не что иное, как воплощение дегуманизирующего начала в обществе, ибо здесь «каста» врачей беспрепятственно творит насилие над незащитной «кастой» больных. Что касается психиатрических понятий, то они расценивались как сбивчивая наукообразная классификация, цель которой – замаскировать социальные функции психиатрии, а именно функции репрессии, изоляции неугодных обществу лиц²². (Заметим в скобках, что, как и многие другие бунтарские и эпатажные (в 60-х годах XX века) проявления, антипсихиатрия переродилась ныне во вполне респектабельное течение – в данном случае «социальную психиатрию», уделяющую особое внимание конкретным социальным условиям возникновения и коррекции психических заболеваний.)

Затушевывание проблемы критериев нормы (действительно столь «неудобной» и трудноуловимой) типично, однако, не только для экзистенциальных и антипсихиатрических под-

²⁰ Лучков В. В., Рокитянский В. Р. Понятие нормы в психологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1987. № 2. С. 55.

²¹ Selected Papers of Ludwig Binswanger. N.Y., 1963. P. 213.

²² Cooper D. Psychiatry and Anty-psychiatry. L., 1967; Szasz T. S. Ideology and Insanity. N.Y., 1970; Laing R. D. The Politics of Experience and the Bird of Paradise. Harmondsworth, 1973; Власова О. А. Антипсихиатрия: становление и развитие. М., 2006.

ходов. Есть область исследования, сам объект которой заставляет усомниться в строгости таких критериев. Это область так называемой малой психиатрии, область пограничных между нормальными («как у всех») и патологическими («не как у всех») состояниями психики. Не случайно, что эта колеблющаяся, зыбкая область порождает и весьма колеблющиеся, зыбкие взгляды на разграничения патологии и нормы. Так, выдающийся отечественный исследователь пограничных психических состояний П. Б. Ганнушкин не раз подчеркивал относительность границ нормы. Вот, например, характерные для него высказывания: «... в таком, с одной стороны, хрупком и тонком, а с другой – в таком сложном аппарате, каким является человеческая психика, можно у каждого найти те или иные, подчас довольно диффузные, конституционально-психопатические черты»; «„гармонические“ натуры по большей части есть плод воображения».

Эти представления во многом определяли для Ганнушкина и гуманистический смысл преподавания психиатрии врачам. Он писал: «Главная цель и изучения, и преподавания психиатрии должна состоять в том, чтобы научить молодых врачей быть психиатрами и психопатологами не только в больнице и клинике, но прежде всего в жизни, то есть относиться к так называемым душевно здоровым, так называемым нормальным людям с тем же пониманием, с той же мягкостью, с той же вдумчивостью, но и с той же прямоотой, как к душевно нездоровым; разница между теми и другими, если иметь в виду границы здоровья и болезни, вовсе не так уж велика»²³.

Следует заметить, что приведенные взгляды не есть в строгом смысле полное снятие со счетов проблемы нормы, признание ее несуществующей. Представление о норме здесь остается, правда, по большей части в скрытом, имплицитном виде. Оно в основном заключается в том, что человек здоров настолько, насколько он избегает крайностей невроза или психопатии, насколько он, даже имея в себе зачатки, признаки, скрытые процессы, относящиеся к этим страданиям, не дает им разрастись дальше положенной черты, границы (чаще всего эта граница, с теми или иными оговорками, усматривается в мере адаптивности, приспособленности к окружающему, то есть на основании одного из уже разобранных выше критериев нормы). Иными словами, здоровье определяется через нездоровье, норма – через аномалию, но в отличие от описанных ранее чисто негативных критериев здесь дается и некоторое содержательное представление о здоровье, построенное, однако, на основе терминов и понятий психопатологии.

По такому пути идут многие исследователи, которые в построении тестов и опросников исходят из представлений и категорий, заимствованных из психиатрии (причем не только «малой», но и «большой», занимающейся психозами, явными, часто необратимыми нарушениями психики), и на их основе строят структуру как больной, так и здоровой личности. Достаточно в качестве примера перечислить все 10 основных (базисных) шкал, используемых в одном из самых популярных опросников – так называемом Миннесотском многопрофильном личностном тесте (MMPI). Это шкалы ипохондрии, депрессии, истерии, психопатии, маскулинности-фемининности, паранойяльности, психастении, шизоидности, гипомании, социальной интраверсии. Сугубо клиническими являются и многие распространенные классификации характера, рассматривающие норму сквозь призму представлений об «эпилептоидности», «шизоидности» и т. п.

Как реакцию на такой подход можно рассматривать появление *описательных критериев* психического здоровья, в которых взамен психиатрической терминологии стали звучать гуманитарные общечеловеческие принципы и понятия. Следует отметить общность взглядов большинства авторов, использующих подобные описательные критерии, по вопросу о том, какими свойствами должна обладать здоровая личность. Наиболее часто отмечают такие черты, как

²³ Ганнушкин П. Б. Избранные труды. С. 170, 217, 56.

интерес к внешнему миру, наличие «жизненной философии», которая упорядочивает, систематизирует опыт, способность юмористически окрашивать действительность, способность к установлению душевных контактов с окружающими, целостность личности и ряд других.

Как можно оценить такой подход? Прежде всего, он представляется необходимым шагом в изучении проблемы нормы. Если негативные критерии указывают (и то весьма приблизительно) на границу между обширными областями нормы и патологии, если статистические и адаптационные критерии определяют нормальность как похожесть на других и соответствие требованиям окружающих, если культурный релятивизм все сводит к микросоциальным установкам и отсутствию патологических с точки зрения рассматриваемой культуры симптомов, то данный подход пытается выделить то позитивное, несводимое к психопатологическим понятиям, что несет в себе нормальная личность. В отличие от узкосимптоматических критериев предыдущих подходов здесь широко ставится вопрос о здоровье личности как о некотором особом достоянии, полноте, а не об одном отсутствии тех или иных ущербов и недугов²⁴. Примечательной деталью, которую стоит еще раз отметить, является сходство в описании характерных черт здоровья личности. Таким образом, мы встречаемся как бы с методом «компетентных судей», которые независимо друг от друга сходятся в оценке интересующего нас феномена.

Вместе с тем описательный подход имеет свои очевидные ограничения. Во-первых, большинство описаний не соотнесено с психологическим категориальным аппаратом и потому не может быть непосредственно использовано научной психологией. Во-вторых, как правило, описывается конечный продукт – ставшая личность, и ничего не говорится или говорится крайне мало о самом главном и ценном для теории и практики – о том процессе, который привел к ее появлению, и о тех внутренних закономерностях, что лежат в основе этого процесса. Кроме того, даже самые, казалось бы, распространенные, устоявшиеся описательные критерии при более внимательном их анализе часто оказываются неоднозначными, требующими для своего применения существенных оговорок и дополнений.

Возьмем, например, такой критерий, как «целостность», на который часто указывается как на один из главных показателей нормального развития в противовес «расщеплению личности». И действительно, целостность – важный признак здорового функционирования любой живой системы, и личности в том числе. К. Г. Юнг указывал (и это не случайно, видимо, совпадает в немецком, английском и русском языках), что слова «целостность», «целый» и «целить», «исцелять» – однокоренные, подчеркивая тем самым связь психического здоровья с интегрированностью личности, а психических аномалий – с личностной дезинтегрированностью²⁵. Напомним также, что «целостность», «интегрированность» – центральные категории такого течения, как гештальт-терапия. Однако нельзя не заметить, что «целостность» (как, впрочем, и многие перечисленные выше критерии такого рода) не отделяет однозначно норму от патологии, не является специфическим, присущим лишь норме признаком: клинический опыт дает множество примеров внутренней цельности явно патологических натур. Можно сказать больше: целостность должна иметь свои градации и степень, свою меру. Если структура слишком монолитна, спаянна, жестко состыкована, то это может стать не меньшим тормозом для развития, чем отсутствие должного связующего, структурирующего начала (с некото-

²⁴ Эта тенденция согласуется с общим определением, данным в Уставе Всемирной организации здравоохранения: здоровье есть состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов. Такой подход все чаще находит отклик и в современной отечественной науке. Б. Д. Карвасарский констатирует, что в последние годы все более распространяется мнение, согласно которому психическое здоровье «определяется не негативным образом – лишь как отсутствие дезадаптации, – а с точки зрения позитивного ее аспекта как способность к постоянному развитию и обогащению личности за счет повышения ее самостоятельности и ответственности в межличностных отношениях, более зрелого и адекватного восприятия действительности, умения оптимально соотносить собственные интересы с интересами группы (коллектива)» (Карвасарский Б. Д. Медицинская психология. Л., 1982. С. 222).

²⁵ См.: Jung C. G. *Analytical Psychology: Its Theory and Practice*. N.Y., 1968; Юнг К. Г. Бог и бессознательное. М., 1998.

рыми психологическими последствиями жесткого сцепления внутренних целей деятельности мы столкнемся в гл. V, § 1).

Что касается внутренних закономерностей и механизмов нормального и аномального развития личности, то суждения о них «компетентных судей» обнаруживают все те же принципиальные разногласия, которые существуют между разными психологическими концепциями и теориями. Далеко не в каждой из этих концепций специально ставится проблема нормального развития личности. Такая проблема в качестве самостоятельной и требующей сложного анализа, по сути, вообще не существует для бихевиоризма. Под нормальностью здесь изначально подразумевается приспособляемость, адаптивность, стремление (по аналогии с биологическими системами) к гомеостатическому равновесию со средой.

Проблема специфики нормального развития фактически не ставилась и в теории психоанализа, поскольку не усматривалось качественного отличия невротической личности от нормальной и свойства мотивации «невротика» распространялись на здорового индивида. Это, прежде всего, такие свойства, как генетическая и функциональная связь мотивации с либидозным, сексуальным влечением, бессознательность определяющих мотивов поведения человека, гомеостазис как главный принцип функционирования мотивации, и ряд других.

Давно уже бытует сравнение психического мира человека с всадником на лошади. Всадник – это «я», «самость», то, что воспринимает и ощущает, оценивает и сравнивает; лошадь – это эмоции, чувства, страсти, которыми призвано управлять «я». Воспользовавшись этим сравнением, З. Фрейд говорил о всаднике как о сознании, а о лошади – как о бессознательном. Сознание находится в безнадежном положении: оно пытается управлять значительно более сильным существом, сильным не только физически, но и своей хитростью, близостью к инстинктивной природе, умением обмануть прямолинейное сознание и поворачивать его в нужном направлении, оставляя при этом сознание в неведении относительно причин этих поворотов. Поэтому, чтобы понять механизмы развития психики, надо изучать бессознательное, ибо отдельные поступки и целые жизненные судьбы определяются этим конем, а не близирующим наездником²⁶. Правда, Фрейд говорит, что идеалом человека был бы для него тот, кто на место «оно» (бессознательного) смог поставить «я». Но сам дух его сочинений оставляет слишком малую уверенность в возможности такого подчинения...

Подобная точка зрения не могла удовлетворить и многих зарубежных исследователей, прежде всего тех, кто пытался непосредственно изучать продуктивную здоровую личность. Наиболее ярким здесь стало направление гуманистической психологии (Бюллер, Гольдштейн, Олпорт, Маслоу, Роджерс и др.). Представители этого направления строили свои концепции в острой полемике с бихевиоризмом и фрейдизмом, особо подчеркивая роль самосознания в нормальном развитии, стремление здоровой личности к совершенствованию, ее уникальность и т. п.

Следует отметить, однако, что гуманистический пафос этого направления нередко приводил его последователей к явному смещению внимания лишь на тех, кто в общем мнении заведомо считался совершенной личностью. Анализируя, например, концепцию Г. Олпорта, Л. И. Анцыферова констатировала, что основной метод, которым тот «руководствуется при

²⁶ Фрейду, не менее чем бихевиористам, западная психология обязана столь типичным для нее смешением, сближением психики животных и человека. К. Медсон, автор солидных обзоров и книг по проблемам мотивации, пишет, например: «В мотивационной психологии представляется весьма трудным продолжать верить в фундаментальное отличие людей от животных, по крайней мере после того, как Фрейд показал, что даже в вопросах, касающихся его собственной личности, „человек не является хозяином в своем доме“, так как рациональное „я“ детерминировано бессознательными силами сексуальной агрессивной природы». После этих слов Медсон с некоторым удивлением вынужден, однако, констатировать: «Несмотря на убедительные доказательства Фрейда, остаются психологи, даже американские психологи, которые уверены в том, что мотивация человека фундаментально отлична от мотивации животных» (*Madsen K. B. Theories of Motivation // Handbook of General Psychology. N.Y., 1973. P. 683*). Под этими строптивыми и, мало того, «даже американскими» психологами Медсон понимает, прежде всего, Абрахама Маслоу и Гордона Олпорта. Краткая оценка воззрений последнего на проблему нормы дана чуть ниже.

построении своей теории, – это метод обобщения личностных качеств выдающихся, творческих, прогрессивных представителей человечества»²⁷.

В самом обращении к выдающимся, творческим представителям человечества нет, разумеется, ничего предосудительного: их личности вполне заслуживают пристального внимания и исследования. Однако в этих совершенных образцах, как во всяком готовом продукте, умирает процесс, приведший к его появлению, здесь нам указывают на вершину (ессе Номо), оставляя неизвестным путь к ней, – путь, который и есть не что иное, как нормальное развитие личности. Путь этот – общий для людей, а не прерогатива выдающихся. Последние более продвинуты, нежели остальные, но составляют с этими остальными единую цепь движения. Концепции типа олпортовской, фактически разрывая эту цепь, часто не в состоянии, исходя из своих категорий, объяснить поведение обычных, «грешных» людей, природу отклонений личности от нормального развития, – отклонений как серьезных, так и достаточно преходящих, временных. Совершенно не случайно поэтому, когда надо описать аномалию, Олпорт приводит список патогенных, или, как он их называет, «катаболических механизмов»²⁸, который выглядит во многом попросту заимствованным из теоретических представлений фрейдизма²⁹.

Таким образом, лишний раз утверждается дилемма, которая весьма характерна для представлений психологов о норме: с одной стороны, «растворение» здоровой личности в невротической, психопатической, акцентуированной и т. п., а с другой – абсолютизация выдающейся, творческой, самоактуализирующейся личности и неспособность объяснить аномальное развитие. В результате понятие нормы как бы повисает в воздухе, оно не связано со всем многообразием реальной психической жизни. Задача же общей теории личности состоит в объяснении как случаев нормального развития, ведущих в своей перспективе к гармоническому и полному раскрытию личности, так и случаев аномалий этого развития. Для этого необходимо, прежде всего, выяснить и обосновать, что является критерием нормального человеческого развития, его исходным мерилем.

* * *

Подходы, которые мы рассмотрели, не дают убедительного ответа, отсылая нас либо к выраженной патологии (раз не болен, то здоров), либо к статистике (раз «как все», то нормален), либо к адаптивным свойствам (здоров, если хорошо приспособлен), либо к требованиям культуры (нормален, если исполняешь все ее предписания), либо к совершенным образцам (здоровье личности как атрибут выдающихся, творческих представителей человечества) и т. д.

Не спасают дело и различные вариации, объединения в разных пропорциях этих и других, сходных с ними принципов. Например, польский ученый Я. Щепаньский предлагает называть нормальной среднюю (в статистическом смысле) личность; личность адаптировавшуюся и ведущую себя в рамках установленных социальных критериев; целостную личность, то есть такую, все основные элементы которой функционируют в координации с другими³⁰. Но если каждый из представленных трех критериев (статистика, адаптация и целостность) оказался, как мы видели, недостаточным для определения нормы развития личности, то где гарантия, а главное, убедительное обоснование того, что, взятые вместе, они раскроют содержание этого понятия?

²⁷ Анцыферова Л. И. Психология личности как «открытой системы» // Вопросы психологии. 1970. № 5. С. 171.

²⁸ См.: Allport G. W. *Personality and Social Encounter*. Boston, 1960; Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М., 2002.

²⁹ Недаром приходится констатировать: теорией Олпорта многие восхищаются, но мало кто ею пользуется. О судьбе теории Фрейда в психологии можно было бы сказать обратное: ее столь же охотно критикуют, сколь часто и используют. И сам Олпорт, как мы видим, пример тому.

³⁰ См.: Щепаньский Я. *Элементарные понятия социологии*. М., 1969. С. 76.

Часто критерием нормы психического развития полагают оптимальные условия этого развития. С таким пониманием можно было бы согласиться, если бы оно дополнялось четким представлением о том, что конкретно-психологически представляют собой эти оптимальные условия, сводимы ли они все к тем же адаптивности, статистике и прочему или имеют свою качественную, собственно человеческую специфику. Малопродуктивными кажутся и попытки растворить понятие нормы психического развития во множестве «норм», свойственных человеку (от норм анатомического строения тела и его частей до норм правовых отношений), поскольку на деле они пока что ведут к смешению разных аспектов и уровней (биологических, социальных и психологических) человеческого бытия, к их взаимной подмене³¹.

В чем же причина того, что проблема психической нормы каждый раз как бы выскальзывает из рук, незаметно покидая пределы психологии и обнаруживая себя уже в других, не психологических областях – психопатологии, биологии, статистике, культурологии и т. п.?

Может быть, стоит предположить, что мы сталкиваемся здесь не просто с частными ошибками, заблуждениями отдельных авторов, а с некоторой общей тенденцией, которую настала пора осмыслить и назвать. Тенденция эта состоит в том, что авторы, стремясь, казалось бы, к изучению психологии, и только психологии, тем не менее с удивительным постоянством оказывались в других областях. «... Вся история психологии, – писал Л. С. Выготский, – *борьба за психологию в психологии*»³². Психологов можно с известным основанием разделить на тех, кто упорно ведет эту борьбу, и тех, кто смирился с той или иной формой редукционизма³³. Что же касается критериев нормального развития (разумеется, самых общих, принципиальных, а не частных), то неудачи в их поиске могут свидетельствовать либо о слабости, зыбкости самой психологии, ее основных понятий, теорий и методов, ее объяснительных возможностей, либо о том, что данный предмет (его истоки, ключи, основания) действительно находится вне поля психологии. Мы склоняемся ко второму мнению, которое никак не означает отказа от «борьбы за психологию в психологии». Речь идет о том, чтобы выявить специфику психологического познания, поскольку психология лишь тогда сможет утвердить свою важную и незаменимую роль, когда найдет эту специфику, когда сумеет твердо почувствовать границы своих возможностей и компетенции.

Это обретение себя не означает также изоляции от других областей знания: чтобы определить свои границы, часто их надо перейти, преодолеть, неизбежно соприкоснувшись и даже углубившись в другую область, с территории которой во всей самобытности и цельности предстанет нам своя³⁴.

Нельзя сказать, что эти выходы за свою границу, стыковка с другими областями являются чем-то новым в психологии. Примерно за 150 лет ее существования как науки на стыке с другими науками образовались и успешно развиваются многие пограничные, дочерние ответвления: на стыке с физиологией – психофизиология, с медициной – медицинская психология, с инженерией – инженерная психология и др. Однако, как мы видели, области, с которыми достаточно устойчиво связана психология и в союзе с которыми она образует ряд пограничных дисциплин, не смогли дать убедительных для нее критериев нормы психического развития. Так, именно из биологии, в частности из физиологии, пришли понятия адаптивности и

³¹ См.: Тудосеску Й. Идеалы и нормы в социальной деятельности // Вопросы философии. 1984. № 3; Бачерников Н. Е. и др. Философские вопросы психиатрии. Киев, 1985; и др.

³² Выготский Л. С. Из записных книжек // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1977. № 2. С. 95.

³³ Примером последнего может служить даже такой корифей психологической науки, как Жан Пиаже, который считал, что у психологии в конечном итоге лишь два объяснительных пути – опора на биологию или опора на логику (либо, добавлял он, «на социологию, хотя последняя сама, в конце концов, оказывается перед той же альтернативой» (см.: Пиаже Ж. Избр. психол. труды. М., 1969. С. 61).

³⁴ Парадокс этот, впрочем, известен и в науке, и в житейской практике. Так, для того чтобы лучше понять свой язык, надо изучить иностранный, а чтобы оценить своеобразие какого-либо города или края, надо побывать и пожить в других городах и краях.

гомеостазиса, из медицины – модели здоровья как отсутствия болезней и т. п. Следовательно, для поисков общих критериев нормы³⁵ необходимо найти такую сферу, относительно которой психология предстанет как частная, нижележащая по уровню область, обретающая через нее смысл и назначение, а потому и критерий общей оценки того, чем она занимается. Речь в данном случае идет о философии, о *философской концепции человека*. За проблемой психического «закономерно, необходимо встает другая, как исходная и более фундаментальная, – о месте уже не психического, не сознания только как такового во взаимосвязи явлений материального мира, а о месте человека в мире, в жизни», писал С. Л. Рубинштейн³⁶. Можно сослаться в этом плане и на других ведущих психологов, противостоявших позитивистским и узкопрагматическим тенденциям, например на А. Маслоу, который писал, что психологи, прежде чем планировать свои исследования, формулировать гипотезы и производить эксперименты, должны иметь и ясно осознавать определенную философскую концепцию человека³⁷, или на П. Фресса, который подчеркивал, что никакая наука о человеке, и психология в первую очередь, не может абстрагироваться от общепсихологического контекста, в который она включена³⁸.

Почему же, несмотря на подобные призывы, переход границы психологии в сторону философского размышления о человеке осуществлялся крайне недостаточно и робко? В отечественной психологии можно назвать, пожалуй, лишь одну по-настоящему развернутую и значительную по глубине попытку такого рода – последнюю (посмертно опубликованную) книгу С. Л. Рубинштейна «Человек и мир». Обстоятельство это во многом объяснимо самой историей взаимоотношений философии и психологии. И поскольку нам ниже предстоит перейти названную границу и предпринять философско-психологическое исследование проблемы нормы, краткое напоминание общего хода этой истории окажется не лишним.

* * *

Психология как область познания, ориентированная на понимание деятельности души, существует издревле. В европейской культуре первое (из дошедших до нас) систематическое описание психических явлений сделано Аристотелем в его трактате «О душе». В течение всех последующих столетий, вплоть до XIX века, психологические исследования рассматривались не как самостоятельная область, а как составная часть философии. Развитие XIX века, особенно его второй половины, шло под знаком крепнущего авторитета естественно-научного знания, которое все более смело наступало на метафизические догмы мышления. Этот «дух времени» затрагивает и философию, в которой в противовес отвлеченным мировоззренческим проблемам все больший вес приобретают сугубо позитивистские суждения, отвергающие вслед за основателем подхода О. Контом метафизические размышления о причинах и сущности явлений и ставящие своей задачей «чистое» описание и интерпретацию лишь опытных данных науки, и прежде всего естествознания³⁹. Однако в исследованиях естествоиспытателей

³⁵ Специально, во избежание недоразумений, еще раз обратим внимание, что сейчас мы говорим именно об общих критериях и принципах, а не о частных психологических механизмах и критериях работы психического аппарата, которые, разумеется, никакая иная, кроме психологии, область не сможет должным образом понять и исследовать.

³⁶ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. – В кн. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 254.

³⁷ См.: Maslow A. The Farther Reaches of Human Nature. Harmondsworth, 1971; Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб., 2012.

³⁸ См.: Психологический журнал. 1982. № 3.

³⁹ Только такой подход и мог удовлетворить большинство тогдашних ведущих ученых. Л. Пастер писал, например: «Дело совершенно не в религии, не в философии, не в какой-либо иной системе. Малосущественны априорные убеждения и воззрения. Все сводится только к фактам» (см.: Вопросы философии. 1972. № 2. С. 119). Атмосферу той эпохи хорошо передают и следующие слова известного швейцарского ученого Августа Фореля, сказанные на Съезде естествоиспытателей в 1894 году: «В прошлое время начало и конец большинства научных трудов посвящали Богу. В настоящее же время почти всякий ученый стыдится даже произнести слово „Бог“. Он старательно избегает всего, что имеет какое-либо отношение к вопросу о Боге...

накапливалось все больше фактов, которые нельзя было объяснить чисто физиологическими или физическими понятиями. Требовались собственно психологические объяснения, но не в прежнем, спекулятивно-философском ключе, а в духе времени, то есть объяснения строгие, научные, объективные. Эти тенденции и привели, наконец, к рождению психологии как науки, которая была отнята естествоиспытателями у ослабевшей, утратившей связь с жизнью идеалистической философии.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что первыми психологами были преимущественно физиологи или физики (Фехнер, Гельмгольц, Сеченов и др.). Именно им принадлежат первые психологические сочинения и опыты. Причем эта зарождающаяся психология так и называлась – «физиологическая психология», чем лишний раз подчеркивалось значение физиологии как родового, определяющего понятия, в свете которого психология может стать позитивной, научной. Круг первых проблем экспериментальной психологии – это проблемы элементарных ощущений, скорости реакции и т. п., то есть то, что могло измеряться, регистрироваться хроноскопами, кимографами и прочей аппаратурой физиологических экспериментов того времени.

Поэтому, когда говорят, что психология была отнята естествоиспытателями в конце XIX века из-под опеки философии, это нуждается в уточнении. Была отнята только та часть психологии, которая непосредственно смыкается с физиологией. Общие же, вышележащие проблемы психологии оставались по-прежнему прерогативой философии. Эту раздвоенность можно наглядно увидеть и в мировоззрении родоначальников психологии. Например, Фехнер, которому принадлежит первый труд по экспериментальной психологии, определял основанную им экспериментальную психофизиологию как «точную теорию об отношениях между душой и телом и вообще между физическим миром и психическим миром». Вундт, с именем которого связано возникновение первой в мире психологической лаборатории (1879), применял экспериментальный подход лишь к решению некоторых элементарных психологических вопросов, твердо считая, что высшие психические процессы (мышление, воля и др.) недоступны опытному исследованию. В анализе последних он прямо придерживался идеалистических философских воззрений.

Дальнейшее историческое развитие психологии как самостоятельной науки было во многом связано с отвоевыванием у философии вышележащих уровней психологического знания: от простых ощущений к целостным видам восприятия, от механической памяти к опосредствованной, от элементарных мыслительных операций к сложным моделям интеллекта и, наконец, от исследования отдельных поведенческих актов к комплексным, системным проблемам личности. В этом движении психология – в своей конкретной методологии, способах анализа и обработки результатов – по-прежнему стремилась равняться, прежде всего, на естественные науки, постоянно видя в них образец объективности, научности. Психология, заметил, например, немецкий психолог Курт Левин, вообще очень медленно выходила в своих исследованиях из поля элементарных процессов и ощущений к изучению аффекта, мотивации, воли не столько из-за слабости экспериментально-технических средств, сколько из-за того, что нельзя было ожидать, что один и тот же случай повторится вновь, а следовательно, представится возможность математической, статистической обработки материала, столь принятой в естественных науках⁴⁰.

И тем не менее, несмотря на все сложности, кризисы, периоды застоя, психология поднималась, казалось бы, на самый высокий уровень познания внутренней жизни человека. Интенсивное развитие психологии сделало возможным появление смежных областей знания на сты-

Наука на место Бога поставила себе материалистические кумиры или слова, представляющие собой отвлеченные понятия (материя, сила, атом, закон природы...)» (Фюрель А. Мозг и душа. СПб., 1907. С. 5, 8).

⁴⁰ См.: *Levin K. The Dynamic Theory of Personality*. N.Y., 1935; *Левин К. Динамическая психология: Избранные труды*. М., 2001.

ках с другими науками. Однако, на что уже обращалось внимание, психология охотно шла на союз по преимуществу с естественными науками, тогда как союз с отраслями философской науки (например, с этикой, которая в прежнем, «донаучном» существовании психологии была теснейшим образом связана с любым психологическим знанием) осуществлялся крайне редко, и к таким попыткам многие психологи относились и до сих пор относятся с явным предубеждением. Между тем, по нашему мнению, необходимо более тесное единение не только в плане разрабатываемой философией общей методологии всех наук, в том числе и психологии, но и в плане решения многих вполне конкретных научно-исследовательских задач, одна из которых – определение общих критериев нормы психического развития человека.

2. Философские основания

Поскольку речь идет не о чем ином, как о человеке, то в представлениях о его «норме» мы должны исходить из понимания сущности, которая и делает его собственно человеком, отличая, отграничивая от других живых и обладающих психикой обитателей планеты. В философии и психологии всего советского периода, говоря о сущности человека, как правило, исходили из известного тезиса К. Маркса, согласно которому «в своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»⁴¹.

Надо признать, однако, что марксистский тезис, несмотря на повсеместные в советские годы упоминания, так и не удалось убедительно связать с конкретными представлениями психологии личности. Основная трудность состояла в том, что никакой конкретный человек не мог, разумеется, претендовать на воплощение «всей совокупности общественных отношений», реальная сфера его деятельности заведомо включала лишь незначительную часть этих отношений. Уже по одному этому чисто «арифметическому» признаку конкретный человек непроеходимой полосой отделялся от своей родовой сущности. Достигнуть же приближения к ней можно было только путем увеличения числа реализуемых личностью отношений, то есть опять же «арифметическим» путем: чем больше будет этих отношений, тем ближе к родовой сущности. Отсюда, в частности, сведение распространенного в советские годы понятия «всестороннего развития личности» к представлению о ее много- и разносторонности, задействованности в как можно более много- и разнообразных видах деятельности (понятно, что согласно такому представлению дилетант, овладевший многими видами деятельности, имеет несомненное преимущество перед, скажем, ученым, всю жизнь посвятившим решению одной узкой проблемы; первого, исходя из «арифметического» подхода, можно назвать все-, много- или разносторонне развитым, второго – развитым одно- или малосторонне).

Надо признать, что эти недоразумения были во многом связаны с одной терминологической неточностью официально принятого перевода, в которой самого Маркса, разумеется, винить нельзя⁴². Дело в том, что в рукописи «Тезисов о Фейербахе» нет слов «совокупность всех», а стоит короткое французское слово «ансамбль», имеющее иной оттенок, нежели «совокупность». Да и вообще – зачем понадобился перевод этого слова, ставшего интернациональным?

Не стоило, быть может, говорить об этом, если бы слово «ансамбль» в этом тезисе было переведено, а затем использовано в адекватном смысловом ключе. Между тем слово «совокупность» далеко не синоним слова «ансамбль». Смысловым синонимическим рядом здесь являются скорее «слаженность», «соподчиненность», «содружество», «организованное единство» и т. п.⁴³ Мы часто, например, слышим слово «ансамбль» в отношении музыкальных коллективов, объединенных общей задачей исполнения музыки и достигающих выполнения этой задачи слаженными, взаимодополняющими, взаимооттеняющими друг друга усилиями, подчиненными некоему единому замыслу. И чем более выражены перечисленные выше свойства, тем в большей степени группа музыкантов представляет собой единый, сыгранный ансамбль. Если же названные свойства находятся в зачаточном состоянии или отсутствуют вовсе, то перед нами не ансамбль, а лишь совокупность всех находящихся на сцене музыкантов. Можно, таким образом, сказать, что «совокупность всех» – это нижняя смысловая граница «ансамбля» или, напротив, его начальная отправная точка, но никак не отражение сути понятия.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 476.

⁴² Мы не берем сейчас общеметодологическую сторону критики: высшая категория («человек») не может быть сведена к категории нижележащей («общественные отношения»).

⁴³ Вот как определяет слово «ансамбль» словарь иностранных слов: «взаимная согласованность, органическая взаимосвязь, стройное единство частей, образующих какое-либо целое».

Эта терминологическая неточность привела к целому ряду смысловых смещений не только в философском плане⁴⁴, но и в конкретно-психологическом (например, упомянутый выше «арифметический» подход к пониманию отношений личности). Чтобы избежать этих недоразумений и не упрощать Маркса, необходимо отметить по крайней мере два важных момента. Во-первых, неоднократно подчеркнутую Марксом пагубность противопоставления индивида, с одной стороны, и общества, общественных отношений – с другой. «Прежде всего, – писал он, – следует избегать того, чтобы снова противопоставлять „общество“, как абстракцию, индивиду. Индивид *есть общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни – даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, – *является* проявлением и утверждением *общественной жизни*»⁴⁵. Во-вторых, сущность человека, по Марксу, о чем говорилось выше, не просто сумма, совокупность, но сложный ансамбль общественных отношений, то есть их соподчинение, сопряженность, гармоническое единство, иерархия.

Таким образом, от родовой сущности каждый конкретный индивид отделен не арифметически, не разностью (всегда, разумеется, удручающе бесконечно большой) между совокупностью всех общественных отношений и количеством отношений, реально осуществляемых индивидом. Человек как общественное существо изначально связан, исходит из этой сущности, и в этом плане – чрезвычайно важный для нас вывод – он являет образ общества, более того, в пределе своем, родовой сущности – образ Человечества (мы оставляем пока вопрос, каким может быть этот образ в каждом конкретном случае – искаженным или ясным, частичным или полным)⁴⁶.

При этом не само количество общественных отношений играет главенствующую роль. Как верно заметил М. С. Каган, не «совокупность всех», а «ансамбль» предполагает объединение в человеческой сущности отнюдь не всех отношений, а только тех, которые способны персонифицироваться и интериоризироваться⁴⁷.

Далее – эти персонифицированные и интериоризированные отношения не строятся по некоему установленному шаблону, не появляются сразу в виде готового предмета с заданными свойствами, они всегда процесс, всегда движение, становление. Отсюда – и следующий важный для нас вывод: нет такой итоговой совокупности всех отношений, которая определила, замкнула бы своим числом сущность человека, и задача исследования этой сущности, что особо подчеркивал Г. С. Батищев, должна состоять не в поисках какой-либо ее «собственной» конечной природы, а в объяснении того, каким образом и почему человек есть безмасштабное существо⁴⁸.

⁴⁴ Так, А. Г. Мысливченко считает, что слово «ансамбль» более точно, чем слово «совокупность», отражает взаимодействие, диалектику сущностных сил человека и социальной культуры (см.: *Мысливченко А. Г. Человек как предмет философского познания*. М., 1972). Л. П. Буева подчеркивает, что термин «ансамбль» более адекватно отражает мысль К. Маркса, подразумевающая системный подход, наличие определенных пропорций между различными аспектами человеческого бытия (см.: *Буева Л. П. Человек: Деятельность и общение*. М., 1978).

⁴⁵ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 42. С. 119.

⁴⁶ В конце XIX века в России выходили две популярные серии биографий выдающихся ученых и общественных деятелей разных времен и народов. Первая, получившая наиболее широкую известность, выходила с 1890 года в издательстве Ф. Павленкова и называлась «Жизнь замечательных людей» (в 1935 году серия была на новой основе возобновлена А. М. Горьким). Другая подобная, но менее известная серия выходила в академическом издании Брокгауза и Ефрона и называлась «Образы человечества». Надо признать, что второе название куда более верно определяет место и роль подобного рода биографий в нравственном воспитании. Восприятие должно фиксироваться не на самой по себе личности и замечательности описываемых лиц (что подспудно, по контрасту рождает мысли о нашей собственной обыкновенности, «незамечательности», незамеченности на фоне других, а следовательно, об исторической периферийности, отделенности от судьбы замеченных и замечательных), а на том, что описываемые лица сумели наиболее полно и ярко воплотить, явить собой образ Человечества, тот же самый образ, полномочными (другое дело – далеко не всегда достойными) представителями которого являемся и все мы.

⁴⁷ *Каган М. С. Человеческая деятельность*. М., 1974; *Он же. Избранные труды*. М., 2008.

⁴⁸ См.: *Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии*. М., 1969; *Он же. Введение в диалектику творчества*. СПб., 1997.

Наконец, на что мы уже обращали внимание, представление об ансамбле (в отличие от совокупности) подразумевает определенное сопряжение, соподчиненность его составляющих. Отсюда индивидуальность каждого ансамбля, его потенциальная устремленность к целому, целостному как возможному результату напряженного слагивания частей и отношений. От нижней смысловой границы, подразумевающей наличие, но не связь отношений, где ансамбля (соотнесения, гармонии) фактически нет, он рассыпан еще на составляющие, начинается восхождение к чему-то большему, что не сводится к некоему набору («конструктору») возможных отношений и связей. Вспомним известный афоризм: «Я – человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Каждого можно разять на детали, его составляющие, в принципе поразительно схожие для любого. Детали стандартны, но ансамбль неповторим, как неповторима музыка, составленная всего-то из семи нот. Возникает, следовательно, задача найти основную линию этого (в каждом случае уникального) ансамбля, его системообразующий фактор, мелодию, лейтмотив развития. При этом надо искать такую линию, которая бы имела не только теоретико-философское, но и конкретно-психологическое обоснование, в частности для определения критериев и норм развития личности.

Таким главным, системообразующим представляется связь, *способ отношения к самому человеку*. Все остальное – выстраивается, подстраивается, концентрируется вокруг. Наверное, среди психологов об этом наиболее ярко и проникновенно сказал С. Л. Рубинштейн: «...первейшее из первых условий жизни человека – это другой человек. Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину. „Сердце“ человека все соткано из его человеческих отношений к другим людям; то, чего оно стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стремится, какие отношения к людям, к другому человеку он способен устанавливать. Психологический анализ человеческой жизни, направленный на раскрытие отношений человека к другим людям, составляет ядро подлинно жизненной психологии. Здесь вместе с тем область „стыка“ психологии с этикой»⁴⁹.

Как всякий жизненный, живой процесс, отношение к человеку несет в себе некое исходное противоречие, борьбу противоположных возможностей и тенденций. Этими *противоположно направленными возможностями, векторами, тенденциями являются, с одной стороны, рассмотрение человека как самоценности, как непосредственно родового существа, а с другой – понимание человека как средства, подчиненного внешней цели, как вещи, пусть даже особой и уникальной, но вещи среди других вещей*. Это противоречие в понимании человека проходит через всю историю человечества, которую в этом плане можно рассматривать как борьбу за свободу и достоинство, за признание родовой человеческой сущности, против вещных отождествлений (раба – с орудием, крепостного – с собственностью, рабочего – с производимой им технической операцией и т. п.).

Разумеется, те или иные вещные отношения, вещные цели будут всегда оставаться насущными и неизбежными – отсюда и постоянная проблема приведения их в соответствие с целями невещными. И это соответствие, если мы хотим развития человека именно как человека, может быть только одним – цели невещные должны, в конечном счете, обуславливать, осмысливать, противостоять, подчинять цели вещные. Лишь тогда возможно становление человека, который мерил своей ценности считает не меновую полезность, возможность обмена и продажи своих качеств, а свою родовую человеческую сущность, уравнивающую, соединяющую истинной внутренней связью всех людей⁵⁰. Деятельность такого Человека (справедливо написать это слово с большой буквы), конечно, подразумевает и конкретную «полезность», материальную отдачу обществу, однако ее никогда нельзя прямо свести к этой пользе,

⁴⁹ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957. С. 262–263.

⁵⁰ Продажа, обмен своей внутренней человеческой сути, сопричастности роду – «бессмертной души» – на любые возможные вещные блага – вечную молодость, славу, богатство, власть – в мифах, преданиях и сказках всех народов расценивались как тягчайшее падение человека, его «сделка с дьяволом».

ибо любое дело, в конце концов, пронизано не вещными, а возвышенными, общечеловеческими идеями. Заметим также, что размеры и качество этой материальной отдачи обычно неизмеримо более высоки, нежели от «частичного» человека, воспитанного в вещной традиции и тем самым изолированного от человеческой сущности.

Итак, главным для человеческой сущности является отношение к самому человеку. Оно формируется в борьбе, противоречии двух разнонаправленных векторов, один из которых ведет к пониманию и реализации человека как самоценности, а другой, противостоящий ему, – к пониманию и реализации человека как средства. Разрешение, снятие конфликта в пользу первого отношения ведет к утверждению сущности человека, тогда как в случае превалирования второго рода отношений человек выступает в меновой, вещной, то есть, в конечном счете, нечеловеческой форме своего существования. Отсюда проистекают по крайней мере два необходимых вывода. *Во-первых*, вся конкретная структура отношений, персонифицированных и интериоризированных тем или иным человеком, во многом зависит от особенностей разрешения названного противоречия. *Во-вторых*, степень приобщения к родовой сущности определяется не количеством, объемом усвоенных общественных отношений, а прежде всего выбором и осуществлением главного, системообразующего отношения – отношения к людям и к каждому отдельному человеку.

Развитие деятельности не как технологических операций и действий, а как способа обретения и реализации родовой сущности зависит, однако, не только от отношения индивида к себе и другим людям, но и от того, будет ли это отношение сопровождать, точнее, порождать и порождаться рядом других, необходимо связанных с родовой сущностью свойств и линий. Кратко остановимся на некоторых из них.

* * *

Прежде всего, деятельность может побуждаться разными обстоятельствами. Она может быть *причиннообусловленной*, то есть вытекающей из сложившихся условий, которые являются непосредственно причинно-порождающими для данной деятельности. Она может расцениваться как *причинно-сообразная*, то есть сообразующаяся с кругом породивших ее условий – причин, но уже не прямо и непосредственно вытекающая из них. Она может быть *целесообразной*, то есть главной ее характеристикой будет согласованность с заранее поставленными целями. Наконец, она может быть *целеобусловленной*, то есть по преимуществу определяемой, производной от цели.

Понятно, что в первых двух случаях (причиннообусловленности и причинносообразности) источник деятельности локализуется в прошлом, в уже сложившейся ситуации; в двух остальных случаях (целесообразности и целеобусловленности) – в будущем, в том, что предстоит.

В свою очередь это предстояние может быть двух родов. Цели могут браться человеком уже в готовом виде и даже быть прямо навязанными ему извне. Этот путь, в самом крайнем своем выражении, превращает человека в «вещь среди вещей», в средство достижения совершенно чуждых ему анонимных институциональных целей⁵¹. Качественно другой род предстояния целей – когда они выработаны самим человеком, когда мы можем говорить о свободном *целеполагании*, *целепроектировании*, *целетворении* человека. Именно здесь находится грань между деятельностью исполнения (пусть сложного, иерархически и опосредствованно организованного) и деятельностью творения. Мы говорим тем самым о **творчестве**, то есть о том

⁵¹ См.: Дробницкий О. Г. Природа и границы сферы общественного бытия // Проблема человека в современной философии. М., 1969; Он же. Проблема нравственности. М., 1977; Он же. Моральная философия: Избранные труды. М., 2007.

виде деятельности, точнее, о том способе выполнения деятельности, который наиболее отвечает трансцендирующей сущности человека.

При таком подходе к деятельности не просто возникают новые предметы, но происходит развитие сущностных сил человека, которое отнюдь не сводится к изолированному, личному достижению творящего, но становится достоянием всех, принадлежит через произведенные предметы любому человеку, человечеству в целом. Через человека творящего происходит, таким образом, обогащение родовой человеческой сущности.

Здесь необходимо сделать два важных для нашего изложения примечания. *Во-первых*, когда говорят о творчестве, традиционно ассоциируют его, а нередко и вовсе ограничивают искусством и наукой. Это создает представление, согласно которому лишь художникам, писателям, ученым и прочим представителям «творческих профессий» доступно повседневное творение, лишь они создают новое, раскрывают новые сущностные силы, формирующие новые способности, новые пласты человеческих отношений, тогда как на долю «серого» большинства с узкими «нетворческими профессиями» остаются репродуктивные, причинно обусловленные виды деятельности с редкими вкраплениями целетворящих, творческих моментов. Такое понимание крайне пагубно для развития самосознания, оно принижает и искажает его, отводя человеку роль винтика, детали механизма, смысл и назначение которого ему неведомы. Между тем для любого человека независимо от его профессии, пусть требующей лишь механической деятельности, главным остается как раз тот предмет, который постоянно, ежечасно требует творческого, целетворящего подхода. Предмет этот – *сама жизнь* человека, творимые, поддерживаемые или отвергаемые им отношения, центральным из которых является отношение к другим людям.

Обычно, для того чтобы подчеркнуть социальную природу человека, внимание исследователей акцентируется исключительно на том, что человек есть производное определенных общественных отношений, то есть человек, его сущность определяются через образующие его социальные связи. Но при этом выпадает из поля зрения необходимость другого угла рассмотрения той же формулы, а именно что совокупность, вернее, ансамбль общественных отношений и есть человек, то есть общественные отношения определяются через образующую их деятельность человека. Общество – это «сам человек в его общественных отношениях»⁵². Общественная сущность «не есть некая абстрактно-всеобщая сила, противостоящая отдельному индивиду, а является сущностью каждого отдельного индивида, его собственной деятельностью, его собственной жизнью, его собственным наслаждением, его собственным богатством»⁵³. Упуская из виду этот важнейший угол рассмотрения, мы как бы призываем: «Познай мир (общественных отношений), и ты познаешь себя (человека)» – в противовес древнему: «Познай себя, и ты познаешь весь мир». На деле это две взаимосвязанные стороны, два основных пути познания, и нельзя, изучая и возвеличивая роль общественных отношений, умалять в сравнении с ними роль человека, ибо они равносущны⁵⁴.

Другой момент, который необходимо отметить, состоит в том, что в рамках деятельности творческие и нетворческие стороны отнюдь не исключают друг друга, а находятся в тесной взаимосвязи. Творчество всегда подразумевает операционально-технические моменты, и нередко чем сложнее творческий акт, тем сложнее и развитее должно быть лежащее в его основе ремесло – круг освоенных навыков и умений. И напротив, расширение операционально-тех-

⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. II. С. 222.

⁵³ Там же. Т. 42. С. 23.

⁵⁴ Замечательно об этом у Владимира Соловьева – во всем ином, казалось бы, столь далеко от цитируемого Маркса: «Бесконечное содержание, потенциально заключающееся в личности, действительно осуществляется в обществе, которое есть расширенная или восполненная личность, так же как личность есть сосредоточенное или сжатое общество» (Соловьев В. Личность // Энциклопедический словарь. Т. 34. СПб., Изд. Брокгауза и Ефрона, 1896. С. 868).

нических умений расширяет и возможности применения новых творческих подходов, приемов, способов.

Однако, даже если мы найдем, что сугубо рутинную, вовсе исключаящую моменты творчества деятельность предпочитают деятельности «творческой», это еще не говорит прямо об отходе человека от своей способной к развитию сущности. Все будет зависеть то того, какого рода отношение к другим людям, какого рода понятие о человеке лежит в основе такого предпочтения. Если некто выбрал рутину, сделав это ради жизни и блага другого человека, то он несравнимо выше в человеческом плане и ближе к своей родовой сущности, нежели тот, кто выбором творческой стези попирает конкретного человека или делает его подножием, средством своего возвышения. Специально обратим внимание, что тот и другой выбор не определен самой ситуацией, не является причинно обусловленным (даже если это так кажется самому субъекту). Он есть акт творческий, целетворящий, проявленный в русле главного, системообразующего для остальных отношения – отношения к человеку. Из этих творческих актов, бесконечной череды выборов, пусть не всегда ярко очерченных и приметных самому субъекту, и состоит не прекращающийся всю жизнь процесс становления человека, любой предстоящий этап которого не дан, а задан, являет собой задачу, смысл и решение которой не могут быть определены вне самого действующего человека, живущего своей, а не чьей-либо чужой, заемной, навязанной жизнью.

Таким образом, не следует приписывать творчество как ценность лишь какому-то особому роду деятельности; это характеристика куда более широкая, атрибут полноценной жизни человека, его отношений к себе и миру, необходимый способ реализации его родовой сущности.

* * *

Целетворение, самопроектирование жизни в качестве своего необходимого условия требуют наличия **свободы**, которую подразделяют, как известно, на свободу *негативную*, то есть свободу от внешних стеснений и ограничений, и свободу *позитивную*, нужную для достижения каких-либо поставленных целей и задач. Объективную основу свободы первого рода (ее можно еще назвать независимостью) составляет система прав (свобод), бытующих в данном обществе. При этом, что важно для нашего рассмотрения, эти свободы не даны извне как произвол или подарок безличных сил и институтов. Они, в конечном счете, порождены (завоеваны, отстаиваются, выигрываются или, напротив, проигрываются) самими субъектами, самими гражданами данного общества: «Государство фиксирует (должно фиксировать) то, что сформировалось в реальной жизни, а не „одаривает“ по своему усмотрению или произволу юридическим статусом своих граждан...»⁵⁵ Для юридического статуса личности необходимо, конечно, государственное (официальное) признание масштаба свободы, которым она пользуется или на который претендует, но сама эта свобода и ее рамки даны отнюдь не властью и могут ею лишь признаваться в силу объективной необходимости или не признаваться вопреки этой необходимости, что подрывает ее собственные основы»⁵⁶.

Свобода первого рода (негативная) – при всей ее важности – лишь расчищает площадку, создает условия для полного проявления свободы второго рода – свободы созидания и самостроительства, свободы преобразования себя и мира в соответствии с поставленными субъектом задачами, его собственным пониманием смысла и цели своей жизни.

⁵⁵ Когда древнегреческого законодателя Солона спросили, самые ли лучшие законы он дал афинянам, он ответил: «Да, самые лучшие из тех, какие они могли принять (понести)».

⁵⁶ Явич Л. С. Сущность права. Л., 1985. С. 61–62.

Как только свобода из потенциального состояния переходит в созидующее действие, возникает необходимость проявления **воли** субъекта – контролирующего, мобилизующего начала этого действия. Подлинная воля, прежде всего, связана со свободой позитивной, с возможностью творческой постановки целей, прямо не вытекающих из данных обстоятельств, но направленных на преобразование этих обстоятельств и себя в них. Этим она отличается от своеволия, самодурства, то есть в конечном счете от потакания самому себе, своему прежнему, уже сложившемуся, а не предстоящему образу. Истинно свободная воля (несвободная воля есть неволя) необходимо связана с трансцендирующей сущностью человека, с целетворением. Поэтому «проблема свободы воли формулируется не как проблема осознания необходимости действующих причин и „свободного“ подчинения их действию. Свободное действие человека, свободная воля к действию – это реальная его свобода от непосредственного подчинения обстоятельствам, это *деятельная активность человека, изменяющего обстоятельства* в соответствии с идеально представляемой целью»⁵⁷.

* * *

Целетворение, постановка идеальных проектов преобразования себя и мира подразумевают наряду с волей еще одно важнейшее условие. Это условие – **вера** человека в возможность, правильность, осуществимость этих идеально представленных целей и проектов.

Долгое время из ложной боязни ассоциации с религиозными воззрениями проблема веры обходилась в научной литературе*. Лишь в последние годы появились работы, в которых феномен веры рассматривается как необходимый атрибут человеческого существа. Человек без веры, ни во что не верящий – это человек без будущего, без нравственных перспектив и опор в жизни, не способный к преодолению и преобразованию себя и действительности, человек причинно обусловленного, но отнюдь не целесозидающего действия. Творческое решение даже единичной жизненной задачи подразумевает выбор из множества возможных ходов, причем нередко достаточно равновероятных, то есть в каждый из которых можно поверить как в должный. Человек, следовательно, чтобы действовать, не просто выбирает ход, решение, но и опирается (чаще неосознанно) на веру, что именно этот, а не какой-либо иной ход, иное решение нужны, подходят ему.

Еще более вера необходима в сложных жизненных коллизиях. Для осуществления идеальных целей и долгосрочных проектов необходимо верить в свой выбор, постоянно восстанавливать в себе эту веру, что составляет часто специальную задачу, поскольку чем более отдаленны и возвышенны наши идеальные построения, тем менее они могут быть доказаны рациональным, логическим путем, то есть могут перейти в конкретные знания и убеждения, стать не верой, а уверенностью. Вера находится, конечно, в определенной связи с уверенностью, равно как и с надеждой. Можно сказать, например, что исход, решение жизненных коллизий зарождаются как надежда на их осуществимость (малая субъективная вероятность успеха), затем она уступает место вере (большая вероятность) и, наконец, переходит в уверенность (вероятность успеха, близкая к единице). Для жизненных решений надежда – слабоватая

⁵⁷ «В представлении многих людей, – писал С. Л. Соловейчик, – слово „вера“ связывается с понятием „вера в Бога“, и это неудивительно; до недавнего времени вся сфера нравственности находилась в ведении религии, и почти все понятия, с помощью которых только и можно выразить духовно-нравственные идеи, носят религиозную окраску: дух, душа, вера, надежда, милосердие, грех, совесть. Но что же делать? Мы по десять раз на дню произносим „спасибо“ – „спаси Бог“, вовсе о Боге не думая. Более того, в реальной жизни, в реальной речи и, значит, в практическом нашем сознании слово „вера“ на каждом шагу используется в его нерелигиозном значении. Мы говорим: вера в победу, вера в людей, вера в правду, с верой в будущее; люди верят в себя, в удачу, в судьбу; мы говорим о доверии к человеку и уверенности в себе. Наконец, мы говорим: верность Родине, верность долгу, верность любви, верность своему призванию, беспредельная верность своему народу. Все высшие качества человека и лучшие его поступки связаны с верой и верностью!» (Новый мир. 1985. № 3. С. 189).

опора, а уверенность, напротив, слишком жесткая и твердая, годная более для реализации уже готового, проверенного прежде опыта. Вера же наиболее отвечает творческому акту как шагу в неизвестное, стремящемуся, однако, исключить безрассудство и упование на случай, равно как не требующему в качестве условия обязательной гарантии успеха.

Таким образом, настоящая вера (к которой применимы эпитеты «зрячая», «ясная», «светлая», в отличие от «слепая», «темная», «фанатичная»⁵⁸) есть не просто украшение, добавка к целостному развитию человека и уже, разумеется, не индульгенция бездействия⁵⁹ и прибежище слабых, а необходимое условие вне заранее установленных шаблонов и масштабов развития, ибо для того, чтобы обрести то новое, которого пока нет в наличии, надо поверить в него как в существующее и потенциально достижимое. Отметим также, что вера в реальность, жизненность наших проектов и конструкций в значительной мере позволяет им, чье конкретное бытие еще не осуществлено и только возможно в порой весьма отдаленном и неопределенном будущем, активно участвовать в сегодняшней жизни.

Тем самым наряду с горизонтальной, линейно выраженной причинно-следственной цепью, в которой, для того чтобы достигнуть последнего звена, надо последовательно перебрать все предыдущие, возникают вертикальные смысловые связи между образом будущего и настоящим, что позволяет будущему не только реально формировать предшествующие ему по времени звенья жизни, но и выбрать любое из этих звеньев как форму своего конечного бытия. «Будущее, – справедливо замечает В. Н. Назаров, – возможно не только как уходящая в бесконечность стрела времени, но и как воспарение над его линейным процессом. Подобное будущее выносится из общего потока времени и заземляется в любой его точке»⁶⁰. Для того чтобы быть вынесенным «из общего потока времени», это будущее должно быть представлено как независимое от времени, как уже существующее, что есть на деле продукция акта веры, ибо как такового его нет, оно лишь предстоит, но через этот специфически человеческий акт оно появляется и обретает возможность активно реализовать себя в настоящем, привнося, опредмечивая, узнавая идеально мыслимое в реально существующем.

Разумеется, направляя человека к тому, чего нет на деле, вера может способствовать не только творческому движению, преобразованию себя и наличных ситуаций, но и уходу от реальности, формированию иллюзий, на которые можно смотреть как на отклонения развития⁶¹. Однако следует помнить, что сфера идеального, с которой взаимосвязана вера, никогда не является (да и не может являться) безупречно точным отражением реальности. Идеальные образы, которые мы строим, всегда в той или иной степени – «иллюзии», поскольку между ними и их воплощением непременно есть зазор, угол, расстояние – тем большие, чем сложнее, отдаленнее по времени проектируемый результат. Это расстояние и определяет долю «иллюзии», расхождения ожиданий, замысла и результата, итога. Иными словами, для достижения некоторого результата жизненной деятельности мало стремиться к нему как к таковому, стремление должно обязательно перехлестывать, превосходить этот результат, быть всегда выше, «иллюзорнее» его. Определить оптимум этого превышения, разрыва реального и идеального

⁵⁸ См.: *Ишма Н. В.* Опыт классификации форм веры // Вопросы психологии. 2011. № 2.

⁵⁹ Даже безоговорочная вера в свою судьбу и предназначение, в свой предуготованный путь далеко не всегда делает человека лишь пассивным наблюдателем, ожидающим, когда же свершится предназначенное свыше. «Фатализм, – замечает Г. В. Плеханов, – не только не всегда мешает энергическому действию на практике, но, напротив, в известные эпохи был психологически необходимой основой такого действия». В качестве примера Плеханов приводит Оливера Кромвеля. Кромвель «называл свои действия плодом воли Божьей. Все эти действия были наперед окрашены для него в цвет необходимости. Это не только не мешало ему стремиться от победы к победе, но придавало этому стремлению неукротимую силу» (*Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. Т. II. М., 1956. С. 302). Понятно, что свойство «наперед окрашивать действия в цвет необходимости» не прерогатива одной религиозной веры, но общее свойство веры как специфически человеческого феномена.

⁶⁰ *Назаров В. Н.* Моральное предвидение // Моральный выбор. М., 1980. С. 382.

⁶¹ Психологические механизмы формирования одного из видов аномальной иллюзорно-компенсаторной деятельности будут специально рассмотрены в гл. VI.

– специальная психологическая задача (мы отчасти коснемся ее в гл. IV), здесь же хотелось лишь отметить пагубность отношения к возвышенности житнетворческих конструкций как излишней «иллюзии», зря расточающей, отвлекающей от реальности силы человека. Напротив, такого рода «иллюзии» – необходимый источник сил в борьбе с трудностями, ориентир, указывающий главное направление в меняющихся и часто противоречивых обстоятельствах жизни.

Для полноты заметим, что отмеченные выше атрибуты – «целетворение», «свобода выбора», «вера» – имеют определенные филогенетические предпосылки. Опережающее отражение действительности – важнейшая форма приспособления живой материи к среде. Это опережение подразумевает известную «творческую» (то есть не заданную прямо наличными условиями) активность, необходимость предвосхищения обстоятельств и осуществления выбора решения, «веру» в исполнимость намеченного. С появлением психического отражения «вместо поля взаимодействующих тел, – замечает П. Я. Гальперин, – окружающий мир... открывается перед индивидом как арена его возможных действий. Возможных – значит не таких, что неизбежно должны произойти... Индивид не может действовать вне условий, и с условиями нельзя обращаться как угодно, произвольно, однако свойства вещей благодаря представительству в образах можно учитывать заранее и при этом намечать разные действия. Благодаря психическому отражению ситуации у индивида открывается возможность выбора. А у бильярдного шара выбора нет»⁶². Думается, что при анализе сущностных свойств человека не нужно забывать об этих предпосылках их возникновения. Рассматриваемые свойства не появляются сами по себе, но имеют историю своего зарождения и развития. Иначе говоря, появление многих из них может быть показано исходя не только из общих абстрактных положений, но и из самой природы психического отражения.

* * *

Дана ли человеку способность, возможность непосредственного постижения своей сущности, целостности, своей приобщенности к роду, или в этом плане он ограничен лишь теоретическим знанием и актом веры?

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, во-первых, что центральной составляющей сущности человека является отношение его к другому. Во-вторых, что в основе этого отношения лежат две противоречащие друг другу тенденции: рассмотрение другого человека как самоценности, самоцели и рассмотрение его как средства. И наконец, в-третьих, что именно от особенностей разрешения этого противоречия зависит в первую очередь приобщение самого человека к родовой сущности либо, напротив, отъединение от нее, ее извращение. Основным парадоксом самосознания, саморазвития человека является, таким образом, то, что это *самосознание, саморазвитие* производно от отношения к *другому* человеку, то есть отношение к себе возникает через отношение к другим.

Мысль для философии отнюдь не новая. Парадокс этот отмечался и ведущими отечественными психологами в качестве ключевой, однако недостаточно учитываемой проблемы. Л. С. Выготский в 30-х годах писал: «...через других мы становимся самими собой...»⁶³ А. Н. Леонтьев спустя сорок лет говорил о назревшей необходимости «коперниканского» понимания в психологии, поскольку «я нахожу/имею свое „я“ не в себе самом (его во мне видят другие), а вовне меня существующем – в собеседнике, в любимом, в природе...»⁶⁴. Опыт современной

⁶² Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1976. С. 62–63; см. также: Гальперин П. Я. Лекции по психологии: учебное пособие. 5-е изд. М., 2011.

⁶³ Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1983. С. 114.

⁶⁴ Леонтьев А. Н. Избр. психол. произв.: В 2 т. Т. II. М., 1983. С. 241.

разработки различных сторон этой проблемы можно найти в концепции со-бытийности В. И. Слободчикова и в концепции отраженной субъектности В. А. Петровского, согласно которым без жизни в других нет личности⁶⁵.

Отсюда постижение своей сущности не как теоретического знания (так должно быть исходя из таких-то и таких-то постулатов) и не через акты веры (я верю вопреки сомнениям, что так должно быть), а в своей самоочевидности и целостности возможно только через особое отношение к другому, в котором этот другой предстанет во всей самоочевидной значимости и целостности, не как вещь среди вещей, а как ценность сама по себе, воплощающая в своей неповторимой форме все достоинства и красоту человеческого рода.

Способность увидеть так другого, способность забыть себя в восхищении другим есть способность **любви** как высшего из доступных человеку способов реализации отношения к другому. «С началом любви, – писал С. Л. Рубинштейн, – человек начинает существовать для другого человека в новом, более полном смысле как некое завершенное, совершенное в себе существо. Иными словами, любовь есть утверждение существования другого и выявление его сущности»⁶⁶.

Могут возразить: о каком выявлении сущности идет речь, когда любовь столь часто слепа, склонна преуменьшать, а то и вовсе закрывать глаза на недостатки своего объекта или возвеличивать до небес более чем скромные достоинства? Но мы уже говорили, что сущность человека не простой набор отношений и свойств, а их ансамбль, центром которого является отношение к другому. Овладевая этим центром, любовь овладевает ключом к постижению всей сущности человека в целом⁶⁷.

С понятием любви нередко прочно ассоциируются лишь отношения между мужчиной и женщиной, и в иной ряд ставится любовь к ребенку, к матери, к Родине, к Человечеству, к Богу. Однако во всех столь разных на первый взгляд проявлениях любовь едина в главной сути – в отношении к своему предмету как к самоценности⁶⁸. На разные виды любви следует смотреть скорее как на ступени все большего постижения человека, все большего расширения сферы собственно человеческого (в противовес вещному) отношения к миру. Поэтому фиксация на одной какой-либо ступени (любить человечество, но не любить конкретных людей; любить близких, свою семью, свою группу, «кучу», но быть равнодушным к чужим, «дальним» и т. п.) есть гибель истинной любви, пресекновение ее развития. Выход здесь, конечно, не в отворачивании от «близких» ради «дальних» или, напротив, в жертве «дальними» ради «близких», а в полном и широком развертывании природы любви как человеческого, то есть не имеющего окончательных границ, трансцендирующего отношения.

Считать единственно достойным предметом любви все человечество, перешагивая ближнего, – это не любовь, а гордыня, пьедестал для снисходительного, сверху вниз, отношения

⁶⁵ См.: Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология человека: Введение в психологию субъективности. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013; Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону, 1996.

⁶⁶ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 351–352.

⁶⁷ «Любовь является единственным способом понять другого человека в глубочайшей сути его личности, – писал Виктор Франкл. – Никто не может осознать суть другого человека до того, как полюбил его. В духовном акте любви человек становится способным увидеть существенные черты и особенности любимого человека, и, более того, он видит потенциальное в нем, то, что еще не выявлено, но должно быть выявлено. Кроме того, любя, любящий человек заставляет любимого актуализировать свою потенциальность. Помогая осознать то, кем он может быть и кем он будет в будущем, он превращает эту потенциальность в истинное» (Психология личности: Тексты. М., 1982. С. 124). Пока любовь не открывает через любящего совершенств любимого, последний их не знает и не обладает ими. Любовь при этом становится не только первооткрывателем нового видения себя и мира, но и внутренним условием, мерилем глубины и силы его реализации, судьей, чье доверие воспринимается как дорогой, часто незаслуженный, неслыханный, неожиданный дар и обмануть которое поэтому кажется страшным.

⁶⁸ Сомнения подлинной любви (подчас многочисленные и мучительные) могут относиться к ответственности, силе, дальнейшей судьбе чувства, но самоценность объекта любви, его несводимость к средству, пользе, выгоде сомнению не подлежат. Любовь в принципе нельзя продать или обменять на что-то, ибо она погибает в тот же самый момент, когда совершается сделка, то есть когда она обменивается на нечто третье, вещное, теряя тем самым свою самоценность.

к людям, простой способ самоутверждения. Подлинная любовь к человечеству начинается с любви к конкретному ближнему, с раскрытия в нем человеческой сути и восхищения этой сутью, с постепенного постижения его как образа Человечества. Снятие противопоставления между ближним и дальним «заключается в том, чтобы в ближнем узреть и вызвать к жизни дальнего человека, идеал человека, но не в его абстрактном, а в его конкретном преломлении», писал С. Л. Рубинштейн⁶⁹. Тогда и человечество, если мы дорастем до того, чтобы позволить себе назвать его предметом своей любви, будет не безликой массой и не пестрой, малопонятной, разноречивой толпой, мелькающей в кадрах кино или телевидения, а собранием, связью конкретных людей, которые при всей их непохожести друг на друга, при всей их реальной заземленности и далекости от идеализированных представлений составляют единый, бесконечно совершенный в своем потенциальном развитии род. Прекрасна древняя мудрость: «Самый главный для тебя человек – тот, с которым ты говоришь сейчас», ибо в каждом – человечество и человечество – в каждом.

Только будучи способным на такое отношение к другому, человек осознает, принимает (не теоретически, не усилием верования, а как здесь-и-теперь-реальность) и себя как равносущного роду, как самоценность. Это открытие (что является парадоксом для логики житейского сознания) тем очевиднее, ярче, полнее, чем в большей степени человек способен «децентрироваться», отречься от себя, чем больше он забывал, «терял» себя ради другого. Эта «потеря» и осуществляется в наибольшей степени в акте любви. «Подлинная сущность любви состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом „я“ и, однако, в этом исчезновении и забвении впервые обрести себя самого и овладеть собою»⁷⁰.

Таким образом, на поставленный выше вопрос – дано ли человеку непосредственное постижение своей родовой сути в целостном и самоочевидном восприятии себя? – можно ответить положительно: дано в способности любить, в способности к развитию этого отношения к миру.

* * *

До сих пор мы говорили о творчестве, о вере в будущее, о целеполагании и самопроектировании, о позитивной свободе и свободном волепроявлении, о любви как способе непосредственного постижения человеческой сущности. Но жизнь каждого человека конечна, смерть обрывает все названные достижения, и одно сознание этого фундаментального факта ставит проблему **ответственности** за содержание своей жизни, каждого ее дня и часа в число первейших.

Это ответственность⁷¹ перед обществом, перед прошлыми и будущими поколениями, перед конкретными людьми – близкими и далекими, перед начатым тобой делом, перед созданными, выношенными тобой образами, представлениями о жизни, которые вне тебя, без твоего участия реализованными быть не могут; это ответственность перед самим собой за свою осуществленную или неосуществленную, искаженную тобой (и не кем иным, как тобой) человеческую сущность. «...Наличие смерти, – писал С. Л. Рубинштейн, – превращает жизнь в нечто серьезное, ответственное, в срочное обязательство, в обязательство, срок выполнения кото-

⁶⁹ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 373.

⁷⁰ Гегель Г. Ф. Эстетика. Т. 2. М., 1969. С. 253.

⁷¹ Следует, конечно, отличать эту психологическую ответственность от ответственности юридической, которая понимается как обязанность, исполняемая в силу государственного принуждения или приравненного к нему общественного воздействия, тогда как добровольное исполнение обязанности юридической ответственностью не является (см.: Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976). Что касается сугубо конкретно-психологических аспектов изучения ответственного поведения, существующих здесь методов и основных проблем, то с ними можно познакомиться, прочтя монографию К. Муздыбаева (см.: Муздыбаев К. Психология ответственности. Изд. 2-е, доп. М., 2010).

рого может истечь в любой момент»⁷². Эта серьезность, ответственность не означает забвения радости, ощущения полноты жизненного момента, но оттеняет, придает ему цену, выявляя главное и второстепенное, существенное и наносное. В таком понимании ответственность – это не фрейдовский пресс «сверх-я» на слабую душу человека, а условие его возвышения и приобщения к Человечеству, его нуждам, заботам, страданиям и радостям.

* * *

Осознание конечности своего бытия впервые во всей его грандиозности ставит вопрос о **смысле жизни**, заставляя искать этот смысл в том, что превосходит конечную индивидуальную жизнь, что неуничтожимо фактом смерти⁷³.

Что переживет нас? Вещь истлеет, и имя забудется. Переживают нас деяния, дела, вернее, последствия наших дел и поступков, их отражение в судьбах других людей. Дела эти и поступки можно, отвлекаясь от частных дел, свести к двум видам. В одних случаях они направлены на утверждение человека как самоценности, его развития как потенциально бесконечного (в нравственно-оценочном плане такие дела и поступки обычно именуют добрыми, благими). В других случаях обнаруживается направленность на попрание человека, отношение к нему как к средству, вещи, его развитию как заранее определенному и конечному (такие дела и поступки большей частью именуют злыми, безблагодатными). Дела и поступки первого вида – основа приобщенного к родовой сущности самосознания (через означенный выше «парадокс самосознания» – возникновение отношения к себе через отношение к другим). Дела и поступки второго вида – основа самосознания, отъединенного от этой сущности и замкнутого на самом себе. Отсюда самосознание первого вида способно к обретению далеко выходящего за границы собственного конечного бытия смысла жизни, в то время как самосознание второго вида к такому обретению принципиально не способно: в жизни других, как и в своей жизни, оно усматривает лишь обрывок, островок в океане времени, который исчезает после смерти без следа, войну каждого за себя и всех против всех.

И хотя зло, как некая обобщенная категория, сопутствует человечеству, человек со «злым» самосознанием, видя во всех средство, вещь, и сам становится вещью, конец которой положен ее физическим износом. Самосознание добра, напротив, видя в других не вещь, не обменную ценность, обретает тем самым и собственную не обменную ценность, собственную причастность к роду человеческому. Поэтому смысл жизни человека и смысл жизни человеческого рода просто не могут существовать один вне другого, ибо и то и другое (осознанно или чаще неосознанно) решается человеком всегда по сути синхронно, одновременно, так как по своей природе человек не существует, не находит себя вне отношения к другим и обществу, а в пределе – и к человечеству в целом. Даже такая позиция, как «моя хата с краю», «гори все синим пламенем, лишь бы мне (моей семье) хорошо было», есть одновременно позиция в отношении остального человечества, есть определенное решение смысла жизни человеческого рода и каждого его члена в отдельности, представляемого в данном случае как стремящегося грести под себя, жить ради своих узкоэгоистических или узкогрупповых интересов.

Связь зла и смерти (не физической, а духовной), добра и бессмертия (тоже не физического, а в памяти, душе народной и общечеловеческой) – излюбленная тема легенд и преданий. Откажитесь совершенно от бессмертия, – замечает один французский писатель, – и мир сразу станет блеклым и печальным. Не обходят вниманием эту тему и художественная литература, поэты и писатели. Значительный след оставили разработки этой темы в трудах мыслителей и философов прошлого. «Глубокая связь вопроса о смысле человеческой жизни с проблемой

⁷² Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 351–352.

⁷³ Об общепсихологических аспектах смысловой сферы личности речь пойдет в следующей, второй главе.

долголетия, смерти и бессмертия человека, – писал, например, И. Т. Фролов, – прослеживается через всю историю философии и науки, и ее хорошо выразил уже Сенека, сказавший, что важно не то, долго ли, а правильно ли ты ее прожил. Всякая жизнь, хорошо прожитая, есть долгая жизнь, отмечал и Леонардо да Винчи. Эту же мысль подчеркивал и Монтень, говоря, что мера жизни не в ее длительности, а в том, как вы ее использовали. Ясно, что мера жизни определяется здесь ее человеческой, то есть социально-личностной и нравственной формой»⁷⁴.

Развивая эту тему, можно было бы сказать, что краткий по времени отрезок жизни способен вместить целую вечность, тогда как долгое время прожитой жизни – оказаться пустым, изолированным мгновением. Согласно старой грузинской притче, на каждом надгробии одного забытого древнего кладбища было кроме даты рождения и смерти выбито: этот человек прожил один час, этот – день, этот – три года, этот – десять лет, этот не жил вовсе. Речь шла не об отпущенных календарных сроках, которые были относительно равны, а о сроках жизни, наполненных высоким человеческим смыслом⁷⁵.

К сожалению, насущные смысложизненные проблемы бытия крайне мало затрагиваются в современных науках о человеке, и в том числе философии⁷⁶. Между тем коль скоро смысл жизни обретается в отношении к тому, что превосходит индивидуальную жизнь, то встают вопросы: что есть это превосходящее, является ли оно конечным (а вместе с ним оказывается конечным и найденный нами смысл) или бесконечным, неуничтожимым (тогда бесконечным становится и найденный смысл)? Понятно, что человека по-настоящему может удовлетворить лишь последний смысл как единственно отвечающий, релевантный его «безмасштабному» развитию. Но оппозиция «конечного» и «бесконечного» смысла есть не что иное, как оппозиция «смертности» и «бессмертия» человека. Всякое конечное основание смысла жизни – утверждение смертности человека (опять же не физической, а его дел, поступков, борений, страданий, мыслей, желаний); нахождение бесконечного основания такого смысла равносильно утверждению бессмертия человека. И коль скоро человек ищет бесконечных оснований жизни, неуни-

⁷⁴ Фролов И. Т. Перспективы человека. М., 1983. С. 311–312.

⁷⁵ Ясно, что речь идет о чисто человеческом, духовном измерении, категории вечности, то есть не о том, что определено самим по себе бесконечным течением времени, а скорее о том, что проступает сквозь время, способно свершаться в любой день и час. Или, напротив, не свершаться, исчезать в погоне за преходящим. И если последнее становится главной, преобладающей формой жизни общества, то говорят о наступившем *безвременье*. Физически время течет как обычно, оно может быть занято весьма разнообразной и кипучей деятельностью, теряется лишь связь с вечным, непреходящим, а значит – теряется подлинная связь, сцепление со всеми другими временами человечества, «связь времен». Само время имеет, следовательно, параметр, качество, соединяющее или разводящее его с вечностью, которая, будучи особой царственной, не нисходит сама, но шлет подданное ей время, наделяя его часто чрезвычайными, здесь и сейчас развертывающимися полномочиями представительства. Как любой посланник, такое время ценно не само по себе – его лицо может быть одним, другим, третьим. Главное – кого оно представляет, чей знак и символ несет. Время тем самым способно отразить вечность, как капля росы – небо. Вопрос в том – способны ли мы увидеть это отражение и – нечто больше – способны ли мы быть им, или – скромнее – послужить ему. Известна формула: «бессмертие человека в бессмертии человечества», однако человечество вечно не потому, что никогда не прекратит своего существования (гарантии тому нет), а потому и до тех только пор, пока борется, отстаивает, служит вечным, непреходящим ценностям и истине, постоянно и объективно испытующим нас, но вне нас не могущим олицетвориться и быть.

⁷⁶ Так, И. Т. Фролов, отмечая, что современная наука открыла многое в понимании биологического и социального смысла жизни и смерти человека, справедливо указывал на слабость в разработке индивидуально-психологических проблем смысла жизни, смерти и бессмертия человека, в отношении которых «нужны не только „чисто“ научные подходы... но и философские, то, что Л. Н. Толстой называл мудростью, отказывая в ней науке своего времени... Однако многие относящиеся сюда важные мировоззренческие, социально-этические и гуманистические проблемы, волнующие каждого человека, по-прежнему еще мало занимают науку. В результате мы оставляем открытой, неудовлетворенной значительную часть жизни человеческого духа...» (Фролов И. Т. Перспективы человека. М., 1983. С. 304–305). Проблемы смысла жизни практически не затрагиваются ни в школе (на пагубность этого положения не раз обращал внимание В. А. Сухомлинский), ни в вузе. «Студент высшего учебного заведения (не говоря уже о школьнике), – констатировал Л. Н. Коган, – на протяжении 4–5 лет изучения общественных наук может ни разу не услышать слов „смысл жизни“» (Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984. С. 243–244). Следует признать, однако, что с конца XX – начала XXI века положение медленно, но все же начинает меняться, что связано, в частности, с проникновением экзистенциальной психологии и христианской психологии, где категория смысла жизни играет центральную роль (см.: Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990; Ленгле А. Жизнь, наполненная смыслом. М., 2003; Христианская психология в контексте научного мировоззрения: коллективная монография / Под ред. проф. Братусь Б. С. М., 2017).

чтожимого фактом смерти смысла – он ищет своего бессмертия. Поэтому на эти поиски, на эту потребность надо смотреть не как на «вредную», «излишнюю», «идеалистическую» и т. п., а как на полноценную, необходимую для осуществления этой (а вовсе не потусторонней) жизни, для ее высокого творческого накала, для осознания себя как непосредственно родового существа.

Рассматриваемая проблема не решается, если идти по пути приписывания атрибута бессмертия лишь «историческим личностям», «творческим деятелям» и т. п. При таком чрезвычайно распространенном подходе сама проблема внутреннего поиска отношения к смерти и бессмертию затушевывается, подменяется задачей усвоения, принятия готовых социальных оценок и штампов социальной памяти. Встав на эту точку зрения, мы в известной мере уподобляемся полухитливой французской традиции именовать избираемых в члены Академии «бессмертными», и тогда вековая проблема бессмертия решается весьма просто – надо всеми силами и путями стараться стать академиком, лауреатом, орденосцем. Данный подход, конечно, весьма удобен, прост и безопасен: уж если и ошиблись в присуждении «бессмертности» при жизни, так время покажет и через 40–60 лет точно постановит, кто смертен, а кто нет.

Однако удовлетворить жажду понимания проблемы смерти и бессмертия такое решение не может, ибо нахождение не устранимого смертью смысла жизни есть, повторяем, насущная потребность человека, – потребность, ждущая своего удовлетворения в этой его жизни, в его индивидуальном самосознании. И возникает она не из себя самой и не как извне заданная или кем-то надуманная, но в силу объективных, неустранимых внутренних причин, в частности как следствие действия основного *родовидового противоречия* между ограниченностью, конечностью, заведомой уничтожимостью, смертностью индивидуального бытия и всеобщностью, безмасштабностью родовой сути. Причем в фокусе данной проблемы это противоречие достигает порой наивысшего накала и драматизма. И понятно: на смысловом уровне (в отличие от уровня социальных решений) оно должно быть разрешено сейчас, для меня живущего, а не откладываясь на будущее, когда меня уже не станет и кто-то иной (будь то единичное лицо или общество) ретроспективно оценит мою жизнь.

Психология до сих пор этих проблем практически не касалась, и, возможно, их исследование – дело будущего, дело той психологии, которую мы сможем назвать *аксиологической*, то есть исходящей из основных ценностей человеческого бытия. Но одно ясно: главное направление пути обретения смысла жизни связано с выходом за границы узкого «я», служением обществу, другим людям (для верующего – Богу). Если человек «живет, отрекаясь от личности для блага других, он здесь, в этой жизни, уже вступает в то новое отношение к миру, для которого нет смерти и установление которого есть для всех людей дело этой жизни»⁷⁷. Это отношение можно определить как сопричастность и единство с живущими, с историей и будущим, потеря заданных здесь-и-теперь строгих границ «я» и свободный переход в любое там-и-тогда человека и человечества. Понятно, что речь идет не о декларации, не об абстрактно мыслимых представлениях, а о состояниях, переживаемых, развертывающихся как насущная внутриличностная смысловая реальность. И тогда действительно нет времени и нет границ, а значит, при всем осознании своей очевидной смертности человек обретает почву и смысл, смертью неуничтожимые. «Я чувствую себя настолько солидарным со всеми живущими, – писал во время тяжелой болезни молодой еще, 37-летний А. Эйнштейн, – что для меня безразлично, где начинается и где кончается отдельное»⁷⁸.

Итак, смысл жизни будет зависеть от того, какую позицию выбрал и осуществил человек: например, относится ли он к другому как к самооценности, к своему делу как к самоотдаче на пользу и радость людям или видит в человеке средство, вещь, в труде – докучную

⁷⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. XVIII. М., 1913. С. 220.

⁷⁸ Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965. С. 348.

обязанность и т. п. Первое отношение – залог непосредственного вхождения, приобщения к родовой сущности, осмысленности жизни, не уничтожаемой неизбежностью смерти. Второе – залог отчужденности от рода, обрывочности, лоскутности жизни, лишенной общего сквозного смысла, дорога в никуда⁷⁹.

* * *

Непосредственной формой, в которой представляется, репрезентируется человеку дух ответственности перед жизнью, миром и людьми, является **совесть**. Муки совести – это, в конечном счете, муки разобщения с родовой сущностью, с целостным общечеловеческим бытием, с Богом. Психология, занимаясь в основном частностями и деталями, отступает перед подобными явлениями (можно сказать и так – не поднимает глаз на эти явления), зато в художественной литературе они представлены с потрясающей глубиной и силой. Вспомним пушкинского царя Бориса. Средством, подножием восхождения к власти он сделал одну, «всего лишь» одну человеческую жизнь – жизнь ребенка. И эта власть, такая внешне удачная («шестой уж год я царствую спокойно»), полезная народу («я отворил им житницы»), не приносит радости царю, не рождает любви к нему народа, ибо попранная им жизнь разобщила его с людьми, с народом, с самой человеческой сущностью и, следовательно, с самим собой, лишила сна и покоя, превратила жизнь в муку и трагедию, а все его дела и даже благодеяния – в мертвые, не приносящие плода ответных чувств и связей с миром.

* * *

Мы кратко затронули лишь некоторые аспекты, вытекающие из разворачивающегося представления о человеке, но сказанного уже достаточно для того, чтобы иметь основания сформулировать некоторые выводы. Прежде всего, из рассмотренного выше следует, что ведущим, определяющим для собственно человеческого развития является процесс самоосуществления, предметом которого становится родовая человеческая сущность, стремление к приобщению, слиянию с ней и обретение тем самым всей возможной полноты своего существования как человека.

Проведенный анализ делает достаточно очевидным, что предложенное понимание самоосуществления отлично от большинства концепций, в которых затрагиваются проблемы самоактуализации, самореализации и т. п. Обычно в этих концепциях постулируется некая потребность как главная детерминанта развития. Согласно такому приему, любое поведение индивида может быть объяснено достаточно просто: преступление – потребностью в его совершении, творчество – потребностью в нем, самоактуализация – потребностью в последней и т. п. Остается далее назвать эти потребности врожденными и приписать им инстинктивную природу, тогда в одних случаях человек будет рассматриваться как носитель исходно «светлых» начал, а в других – как носитель «темных», низменных инстинктов. Проблема внутренних противоречий развития, самодвижения, активности субъекта тем самым упрощается, если не снимается вовсе. В стороне остается и проблема связи с миром, ведь в случае постулирования врожденных потребностей и инстинктов (равно добрых или злых) общество становится сугубо внешним моментом, мешающим или потакающим их развитию. Разумеется, это не означает

⁷⁹ Есть два наглядных образа, олицетворяющих названные отношения к жизни. Первый принадлежит Б. Шоу, который сравнивал жизнь с великолепным факелом, врученным ему по эстафете предыдущими поколениями, а свою задачу видел в том, чтобы заставить этот факел гореть еще сильнее и ярче, прежде чем он передаст его другим поколениям. Этот образ противопоставит другому и весьма распространенному пессимистическому сравнению человеческой жизни с полетом мотылька из тьмы во тьму.

вообще умаления роли потребностей, в том числе и потребности в самоосуществлении как исключительно важной для развития человека. Но надо понять, что потребность эта не дана, а задана, она возникает и оформляется в ходе реальной жизни, а не просто предшествует ей. Вот почему именно в зависимости от этого хода возникают и разные по направленности потребности этого рода – «самоосуществляется» и негодяй, и фашист, и преступник. Во многих концепциях последний момент вообще не рассматривается, главное – самораскрыться, самоактуализироваться, самореализоваться, а в чем, ценой чего, ценой каких отношений к окружающим и миру – не так значимо. По сути, процесс такой самоактуализации замыкается эгоцентрическим смысловым уровнем (подробнее о нем в следующей, второй главе, § 4), изолированным индивидом и его страстями. Как тонко замечал В. Франкл, «теории человека, которые ограничиваются самим индивидом, базируются ли они на редукции его напряжения, как в гомеостатической теории, или на осуществлении максимального количества имманентных возможностей, как в самоактуализации, при пристальном рассмотрении оказываются недостаточными... Адекватное видение человека может быть сформулировано должным образом, только если оно выйдет за пределы гомеостазиса, за пределы самоактуализации – даже за пределы самого человека! – в трансцендентную сферу человеческого существования, в которой человек выбирает, что он будет делать и чем он будет в объективном мире смыслов и ценностей»⁸⁰.

Выбор этот, при всем многообразии конкретных человеческих стремлений, сводим, выстраивается, тяготеет в нашем понимании к двум векторам, обозначенным выше: отношению к другому как самоценности, как непосредственно родовому существу (для верующего как к образу и подобию Божию), и отношению к другому как к средству, как подножию, как вещи, могущей иметь разную меновую, но не абсолютную ценность.

Ясно, что в жизненном, конкретно-психологическом плане виды этих отношений редко предстают, являют себя в чистом, дистиллированном виде – они могут перемешиваться, запутываться, отступать или, напротив, преобладать в одном из своих проявлений⁸¹. Но именно это живое противоборство, противоупор, превозможение, победа одной линии над другой и определяет (задает) качественную разность результатов возникающих движений. В одном случае это стремление к «объективному миру смыслов и ценностей», воплощающих сущность, целостный образ человека, умопостигаемо предданный ему и одновременно им, его живой жизнью выявляемый и осуществляемый. В другом – дробление, помутнение образа, его частичность, обрывочность, искажение.

Развитие, положительно согласующееся (при всех – повторим – реальных сложностях и коллизиях) с первым процессом, есть, в нашем понимании, *нормальное*. Путь развития, увлекаемый вторым вектором, рассматривается, соответственно, как отклоняющийся или *аномальный*. Если эти общие рассуждения (а речь сейчас – вновь подчеркнем – о самых общих философско-методологических обоснованиях) ограничить, упростить и представить в обсуждавшихся выше понятиях, то можно сформулировать следующие предварительные определения.

Нормальное развитие – это такое развитие, которое ведет человека к обретению им родовой человеческой сущности. Условиями и одновременно критериями этого развития являются: отношение к другому человеку как к самоценности, как к существу, олицетворяющему в себе бесконечные потенции рода «человек» (центральное системообразующее отношение); способность к децентрации, самоотдаче и любви как способу реализации этого отношения; творческий, целотворящий характер жизнедеятельности; потребность в позитивной сво-

⁸⁰ См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

⁸¹ В ангельском мире нет тьмы, в демонском – света. Только в человеке возможно смешение, и недаром так знаменита мысль Достоевского о том, что Бог с дьяволом борется и арена – душа человеческая.

боде; способность к свободному волепроявлению; возможность самопроектирования будущего; вера в идеальные цели и осуществимость намеченного; внутренняя ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями; стремление к обретению сквозного общего смысла своей жизни.

Обычно оппозицией норме должно являться суждение о патологии. Но, как гласит старая истина, природа не делает скачков, между условными полюсами «нормы» и «патологии» находится обширное поле отклонений, аномалий развития. Поэтому правильнее, на наш взгляд, сформулировать общее представление об аномалиях, имея в виду, что лишь в крайних своих вариантах они переходят в выраженные патологические явления. Тогда *аномальным, отклоняющимся от нормального является такого рода развитие, которое ведет человека к отъединению, отрыву от его всеобщей родовой сущности. Условиями и одновременно критериями такого развития следует считать: отношение к человеку как к средству, как к конечной, заранее определяемой вещи (центральное системообразующее отношение); эгоцентризм и неспособность к самоотдаче и любви; причинно обусловленный, подчиняющийся внешним обстоятельствам характер жизнедеятельности; отсутствие или слабую выраженность потребности в позитивной свободе; неспособность к свободному волепроявлению, самопроектированию своего будущего; неверие в свои цели и возможности; отсутствие или крайне слабую внутреннюю ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями; отсутствие стремления к обретению сквозного смысла своей жизни.*

* * *

Сразу отметим, оговорим известные ограничения. Прежде всего – любые итоговые определения в области методологии и философии психологии неизбежно преломляют, сжимают, упрощают предварительные рассуждения и контексты, поэтому почти всегда вызывают неудовлетворение у самого автора и желание предупредить читателя, чтобы он воспринимал их как достаточно условные опознавательные знаки представленной концепции, но отнюдь не как ее полное, однозначное отражение.

Далее следует учесть, что мы исходили из принятой в данной работе логики рассуждений – найти признаки нормального развития и, лишь исходя из них, понять общую суть аномалий как собственно отклонений, отступлений от этого развития⁸². Речь, прежде всего, не о состояниях, а о тенденциях, характере устремлений, то есть не о месте пребывания, некой изолированной от других колонии, стоянке под вывеской «норма» (или «аномалия»), где все, кто туда прибыл и обитает, раз и навсегда стали «нормальными» (или – напротив – «аномальными»). Речь о движении, пути, полном преткновений, риска, возвратов, падений и сложностей, в котором главное – при всех возможных отклонениях – выбор направления и отстаивание, верность ему. Поэтому, в частности, важен не сам по себе перечень выделенных в предыдущем параграфе признаков, критериев, сущностных атрибутов развития человека (их можно дополнять или корректировать), а то – ухватывают ли, высвечивают ли они пунктир общего направления пути.

⁸² Закрепившийся со времен Фрейда подход – обратный: изучение явных аномалий, патологии, специфики отклонений и понимание при этом нормы либо как отсутствия крайностей, либо как некоего приемлемого баланса отклонений, их удачной компенсации, не препятствующей адаптации индивида к социуму. Что касается непосредственных исследований тех или иных аномалий, то они, как правило, в очередной раз подтверждают старую истину, что «здоровье – одно, а болезней много», неисчислимы виды, подвиды и вариации психических уклонов и извращений. Кроме того, при внимательном анализе всегда можно обнаружить отнюдь не одни только признаки ущерба, негативные отклонения и симптомы, но и присущие каждой аномалии позитивные, лишь ее отличающие характеристики или их особое, специфическое сочетание. Всякое развитие не может быть лишь цепью потерь и ущербов, но обязательно и обретений, новообразований. Другое дело – какого рода эти обретения в аномальном развитии, какую роль они играют в судьбе человека, к каким поступкам и действиям приводят. (Некоторые иллюстрации к сказанному читатель найдет в гл. V и VI.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.